

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

МАКСИМ ШАТТАМ

ИЛЛЮЗИЯ

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ!

Поклонники
ЖАН-КРИСТОФА ГРАНЖЕ
И ФРАНКА ТИЛЬЕ
будут в восторге!

18+

Максим Шаттам

Иллюзия

Серия «Звезды мирового детектива»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70428331

ISBN 978-5-389-25194-6

Аннотация

Когда хочешь круто изменить свою жизнь, самый верный путь – бросить все и уехать в глушь, так что добро пожаловать на горнолыжный курорт Валь-Карьос, где на лето остается лишь немногочисленный обслуживающий персонал. Дикая природа, ни души на много километров вокруг – что может быть целебнее для разбитого сердца Юго, только что пережившего тяжелое расставание?

Но с первых же дней Юго начинает замечать, что происходит что-то неладное. На склоне над курортом маячит зловещая усадьба, и ее владелец никогда не показывается на глаза. Юго посещают ужасные видения, чего с ним раньше никогда не случалось. Без следа исчезает его коллега. В лесу таится что-то неведомое, но явно жуткое. Никого, кроме Юго, все это как будто не волнует. Он сходит с ума? Он нечаянно угодил в самое сердце заговора? Или на съемочную площадку «Сияния»? Или, быть может, это страшный фокус? Но кто здесь фокусник, кто простодушный зритель – и кто жертва?

Максим Шаттам – автор детективных триллеров и нуаров, которые расходятся многомиллионными тиражами во Франции и стали бестселлерами еще в двух десятках стран. Шаттам изучал современную литературу и криминологию, поначалу вдохновлялся Стивеном Кингом и Томасом Харрисом, а в итоге стал во французской детективной литературе фигурой, ни в чем не уступающей Жан-Кристофу Гранже и Франку Тилье. Его новый триллер «Иллюзия» постепенно и неотвратно заводит читателя все дальше в беспросветный лабиринт, где за каждым углом таятся чудовища и все новые ловушки, а выхода к свету, возможно, и вовсе нет.

Содержание

Пролог	8
Конец ознакомительного фрагмента.	140

Максим Шаттам

Иллюзия

*Моей жене Фаустине, которая помогла мне
отличить иллюзию от счастья*

Чтение книг, как и их написание, требует ухода от реального мира. Что может быть лучше, чем, облегчая себе задачу, закутаться в какой-то музыкальный кокон?

Вот основные альбомы, которые я слушал, когда сочинял эту историю:

саундтрек Криса Бэкона к телесериалу «Мотель Бейтса»;

саундтрек группы *The Newton Brothers* к фильму «Доктор Сон» (2019);

саундтрек Джерри Голдсмита к фильму «Основной инстинкт»;

саундтрек Бена Фроста к телесериалу «Тьма».

Рекомендуемый плейлист для Валь-Карьоса – пусть он звучит и для ваших ушей!

А если хотите завершить чтение этого романа так, как я его дописывал, начиная с 75-й главы, – саундтрек к «Доктору Сну», трек 36 («We Go On»), и так по кругу до последних строк...

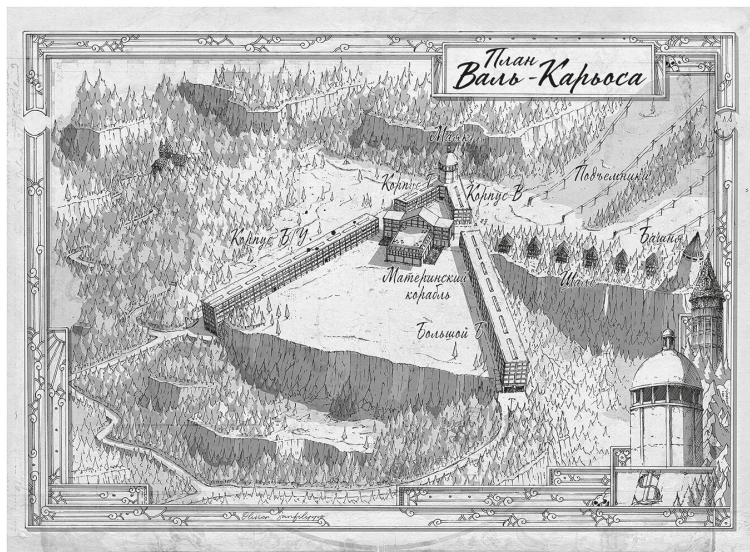
Удачи вам.

Великая ложь о личном бессмертии разрушает всякий разум, всякую естественность в инстинктах;

все, что есть в инстинктах благотельного, что способствует жизни, ручается за будущее, – возбуждает теперь недоверие. Жить так, чтобы не было более смысла жить, – это становится теперь «смыслом» жизни...

Я называю животное – род, индивидуум – испорченным, когда оно теряет свои инстинкты, когда оно выбирает, когда оно предпочитает то, что ему вредно.

Фридрих Ницше. Антихрист¹

¹ Перев. В. Флёровой.

Пролог

В зале пахло свежим воском и деревянными декорациями; бархат сидений хранил в себе столько же запахов, сколько перевидал зрителей, а прожекторы, нагревая воздух, еще усиливали их букет, выявляя самые тонкие оттенки: гримировальную пудру и клей на театральных костюмах и все те почти неуловимые ароматы, которые исходят от закулисья. Пьянящая алхимия театральных запахов уже невольно подогревала нетерпение публики до того, как поднимется занавес.

Возбужденные зрители ожидали начала представления, испытывая еще больший восторг оттого, что оказались в числе избранных, привилегированных, заслуживших честь попасть на это шоу, поскольку Люциен Страфа выступал без объявлений, без рекламы в газетах или даже по радио, афиши его концертов тоже не расклеивали, и, чтобы следить за новостями, необходимо было знать кого-то из посвященных. Сарафанного радио хватало, чтобы целиком заполнить зал, – ни одно его выступление не проходило без аншлага.

Так было и с репутацией величайшего из фокусников, когда-либо выходивших на сцену. Поговаривали, будто его успех вырвался далеко за пределы Франции и достиг Нью-Йорка, Лас-Вегаса, Токио и даже, кажется, СССР, несмотр-

ря на дипломатическую напряженность между странами.

Внезапно погас свет, курильщики затушили сигареты о пол, и в мертвой тишине взвился занавес.

Посреди сцены, огромный в своем черном костюме, спиной к залу, воздев руки к потолку и сжав кулаки, стоял Люциен Страфа.

Потребовалось больше десяти секунд, прежде чем зрители изумленно ахнули, осознав, что фокусник, сохраняя идеальное равновесие, парит в воздухе – двадцать сантиметров, не меньше, отделяют его подошвы от пола.

И в лучах ламп, что высвечивали выюющийся легкий дымок, не было видно никаких тросов.

Затем Страфа почти гневным жестом разжал кулаки, все прожекторы разом взорвались, засыпав сцену стеклянными осколками, и зрители одновременно вскрикнули в единодушном потрясении.

В следующее мгновение Страфа коснулся ногами подмостков и медленно опустил руки. Фитили масляных фонарей вспыхнули один за другим, обозначив за спиной фокусника стену, заполнившую весь задник, многочисленные квадратные зеркала усиливали блеск фонарей, образовав за несколько секунд огромное прозрачное пространство, переливающееся янтарными и серебряными всполохами.

В нем множилась, уходя в бесконечность, фигура Люциена Страфа.

Реальный Страфа повернулся лицом к зрителям.

Еще молодой, нет и тридцати; копна зачесанных назад черных волос, впалые щеки и выдающийся подбородок. Но его харизма, магнетизм блестящих глаз не зависели от возраста. Те, кто сперва надеялся встретиться с ним взглядом, отводили глаза, когда он смотрел в их сторону. В том, как расширялись его зрачки, становясь круглыми и лихорадочными, когда он смотрел на вас дольше нескольких секунд, чувствовалась какая-то контролируемая целеустремленность, а вас охватывала тревога, как будто его безумие могло быть заразным. Первые ряды облегченно вздохнули, когда он наконец отступил назад, чтобы смерить взглядом лежащую перед ним темную впадину зала.

Его левая рука медленно поднялась в странном жесте, за ней последовала правая, — казалось, что обе они словно плавают в какой-то жидкой среде. Затем аналогичное движение проделали ноги Страфа, и он взлетел, увлекаемый невидимым ни для кого потоком, поднялся на высоту более полуметра, снова прибегнув к левитации, на сей раз походившей на течение, которое несло тело по призрачной реке.

Ошеломленные зрители затаили дыхание.

Масляные лампы светили все ярче и ярче, пока в зеркалах не отразилась стена, ослеплявшая, подобно солнцу в летний полдень, оставив Страфа плавать в этом золотом расплывчатом вареве, а сидевшие в зале, не выдержав, стали закрывать глаза рукой, шляпой или шарфом.

Лампы внезапно вернулись к своему обычному свечению, а

толпа все еще не могла прийти в себя.

Страфа исчез. Его нигде не было видно.

Возле дверей, за спинами зрителей, раздались голоса, все обернулись и увидели Люциена Страфа, уверенно шагающего по центральному проходу.

Он пристально всматривался в тех, кто оказывался рядом с ним, и от его взгляда начинала кружиться голова; когда он приближался, зрители судорожно сглатывали и учащенно дышали. Страфа кого-то искал.

Руки зрителей, сидящих недалеко от прохода, стали подниматься и зажимать рты и носы.

А запах быстро распространялся.

Едкий. Резкий.

Фокусник распространял вокруг себя запах серы.

Он остановился перед женщиной, сидевшей очень прямо, словно сопротивляясь тому, что он посмел ее удивить. Страфа смерил ее взглядом, уголки его губ приподнялись в жестокой усмешке. В полумраке белки и черные зрачки его глаз странно сливались.

Он наклонился к женщине и так яростно оскалил зубы, что, казалось, готов был ее проглотить. У него во рту вспыхнули языки пламени, и зрители в страхе отшатнулись. Страфа довольно усмехнулся и вернулся на сцену под гул встревоженной публики. Да, репутация этого человека не была выдумана. Он уникал. Ошеломляющий. Непреодоленный. Мир разделился на две части: тех, кто видел,

как Люциен Страфа завораживает своими тайнами, и всех остальных. Вернувшись в центр сцены, маг выждал, пока вновь воцарилась тишина. Напряжение было осязаемым. На что еще он способен? Как он это делает? И самое главное: как далеко он может зайти?

Вернув себе полное внимание аудитории, он сцепил пальцы на животе и опустил голову. Глубокая концентрация. Долгие минуты ожидания, страха перед худшим, замороженные мужчины и женщины прижимались друг к другу чуть теснее.

Затем Страфа медленно, очень медленно, закрыв глаза, поднял голову. Земля задрожала, затем послышался глухой гул, нарастающее гудение, идущее из недр земли. Многие вскрикнули. Звякнули стеклянные колпаки настенных светильников, бешено взвился край занавеса, закрипели страфонты, полетели на пол шляпы, а шум, поднимавшийся из бездны, все приближался; это не мог быть поезд метрополитена, звук был гораздо более громким, гулким и пугающим. Казалось, нечто огромное вот-вот опрокинет театр, разрушит его фундамент и поглотит всех присутствующих.

Страфа открыл глаза, раскинул руки, и по щелчку его пальцев глухой рев так же мгновенно затих, масляные лампы разгорелись, опустился занавес, и на этом первое действие закончилось.

Так родилась легенда о Люциене Страфа. Величайшем фокуснике, когда-либо выступавшем перед смертными.

У сидевших в первых рядах растерянных и почти до смерти перепуганных зрителей носом шла кровь.

А ведь это было только начало представления.

1

«Говорят, любовь длится три года и этого вполне достаточно, чтобы досконально изучить партнера. Мы с тобой вместе уже больше семи лет, и я больше не могу быть твоим приложением».

Эта фраза не выходила у него из головы.

Она звучала снова и снова, стоило ему увидеть афишу с изображением женщины, встретиться взглядом с проходящей мимо девушкой или услышать мелодию из своего плейлиста, напоминавшую об их прежней жизни. Вообще-то, эта фраза почти не имела смысла, она была бы уместнее в каком-нибудь телесериале или романе. Впрочем, Юго подозревал, что его напичканный клише и общими местами ум тоже мог бы сотворить нечто подобное, вздумай он написать что-нибудь на тему разлуки, но вот уже несколько месяцев он совсем ничего не писал.

Однако в тот роковой день именно так она и сказала, слово в слово. Он помнил каждую ее интонацию, каждый вздох. По правде говоря, дышала только она, Люси. Он же пребывал в каком-то подвешенном состоянии. У него перехватило

горло, словно дыхание могло привнести реальность в происходящее, а вот если ему удастся только притвориться, что он живет, тогда всего этого не случится, слова останутся чем-то эфемерным, не имеющим никакого воздействия на окружающий его мир.

Но в конце концов он набрал в легкие воздуха.

И все сразу потеряло смысл.

Теперь он совсем ничего не понимал. И хотя он полностью исполнял отведенные ему функции, он все равно лишь скользил по жизни, находился здесь мимоходом, везде – даже внутри самого себя.

Три месяца, чтобы освободить общую квартиру, вернуть ключи, вдрызг разругаться из-за какой-то купленной ими совместно картины или цветка. К коту это не относилось. Юго оставил его Люси. Он не чувствовал, что способен сейчас любить, даже кота, а несчастное животное заслуживало большего.

Три месяца постоянного падения, а дно так и не достигнуто; Юго не предполагал в себе подобной глубины и в других обстоятельствах мог бы даже этим гордиться. В нем таились такие бездны, что одно их созерцание могло бы восхитить и Ницше. Но было ли это действительно триумфом? Самые высокие вершины планеты известны каждому, а вот кто назовет самые неведомые ее впадины? Какую славу способна принести тьма? Только мрак и холод. Торжественные атрибуты смерти. Юго чувствовал, что заполнен ими.

Это были самые тяжелые три месяца из всех пережитых им. С катастрофическими результатами.

Семь лет отношений, подытоженных какими-то вымученными упреками. Люси не желала больше служить ему эмоциональной подпоркой, не желала постоянно кружиться в орбите его бесконечно сменяющихся притязаний – она стремилась оказаться в другой атмосфере, чтобы раскрыться и расцвести там. Он никогда не позволял Люси войти в свой мир, держал ее на расстоянии, не давая понять, кто он на самом деле, отказывался целиком впустить ее в свою жизнь. И в этом смысле она была права. Он пользовался своей харизмой, чтобы держать Люси рядом, не позволяя зацепиться, посеять что-то полезное, вместе что-то создавать. И теперь, когда она изучила его вдоль и поперек, она поняла, что так будет лучше. Юго создавал токсичную атмосферу.

Когда слышишь подобное от того, кого любишь, с кем в течение семи лет столько пережито, это как если бы нажали на красную ядерную кнопку.

Люси ушла, оставив за собой выжженное поле, и даже три месяца спустя радиоактивность ее слов все еще разъедала его существо.

Юго вел себя с ней как тщеславный эгоист, абсолютно уверенный в том, что достаточно одного его обаяния, чтобы получить желаемое, ничего при этом не делая, ничего не давая взамен. Полностью заикленный на своих успехах или, по крайней мере, на своих попытках.

И вот теперь он один и с ужасом осознает, что дальше будет еще хуже. Ему некуда излить свое горе. Тридцать четыре года, но ни актерская, ни литературная карьера так до сих пор и не задалась. Он являл собой лишь набор слов, которые никто не слушает и не читает. Его мелкие приработки ради пропитания заканчивались сплошными неудачами. Он постепенно растерял всех друзей. Сперва друзей детства, когда, лелея грандиозные планы, уехал из Нормандии сразу по окончании лицея, потом тех, с кем сблизился здесь, в столице; случайных знакомых, «коллег», неудачников, конкурентов, талантливых, но забывчивых, — таких было великое множество. Но удержал немногих. Оглядываясь назад, он признавал, что потерял лучших из них по собственной вине, не уделяя им большого внимания. Люси права. Он вовлек их в свою орбиту, сделав их спутниками, но не дав права приблизиться. Рикошетом, сталкиваясь между собой или оказавшись во власти иного внеземного притяжения, многие от него отделились. Осталась лишь горстка таких же, как он, едва способных наблюдать друг за другом на расстоянии, не пересекаясь, а скорее догадываясь.

Он испытывал горечь оттого, что его бросили в том возрасте, когда другие пары уже строят семью на фундаменте своих отношений. Но окончательно его добило осознание того, в какого «ублюдка» он превратился. Он не был подлецом по природе и никогда к этому не стремился, как, впрочем, и не старался быть центром вселенной; все произошло как-

то незаметно, из-за мелких упущений, уступок, постоянной работы над собой, когда *его* персона была в центре внимания. Он упустил из виду самое главное – другого человека. И именно эти чудовищные открытия страшнее всего угнетали его, стоило ему лишь задуматься. Осознать, что он отвратителен сам себе.

И тогда он все бросил. Абсолютно все. Кроме холщового рюкзака, где хранились его последние связи с реальным миром.

Юго наткнулся на объявление в интернете, на музыкальном дискуссионном форуме – сайте, где он проводил долгие часы по ночам с единственной целью так или иначе дотянуть до утра. Один из пользователей форума, которому он признался, что оказался профессионально в полном ауте, дал ему ссылку на объявление, мелькнувшее на каком-то новостном сайте. Оно было опубликовано внутри статьи о необычных работах летом. Горнолыжный курорт искал разнорабочего для летнего обслуживания комплекса. «Уединенное место, почти полное отсутствие контактов с внешним миром», – гласил текст. Именно это и побудило Юго подать заявление.

Ответ, полученный уже на следующий день, с просьбой уточнить некоторые детали, вызвал в нем какие-то эмоции, и это показалось ему необычным. Значит, он все еще способен что-то ощущать. Он испытал... *любопытство*. Это было хорошим признаком, зародышем желания, и Юго про-

вел вечер, сидя на кровати в номере снятого в Монтрее отеля, заново переживая этот вкус к какому-то медленно возрождавшемуся чувству. А из нетерпения возникла и мотивация. Это было приятно. Они позвонили ему через двое суток. Юго без зазрения совести солгал о своей квалификации. Сказал, что, в принципе, он смекалистый, рукастый, может справиться с бензопилой или залезть на дерево, если потребуется. Еще два телефонных собеседования, одно из которых было целиком посвящено его психическому состоянию, чтобы оценить способность продержаться пять месяцев там, в горах, почти ни с кем не общаясь, и в кои-то веки пригодился его актерский опыт: он получил работу. Отъезд – самое позднее, через две недели.

Впервые за три месяца он смог выдавить из себя улыбку. Он уже не помнил, как это делается, но его лицу так понравилось, что он постарался удержать ее подольше.

Несколько ночей глубокого сна, будто эта надежда наконец-то успокоила его подсознание. Долгое ожидание, когда он не мог читать или хоть чем-то заняться, только изнурял свое тело спортом или тупел от дурацких телепередач. Он даже лишился доступа к *Netflix*: это был аккаунт его бывшей, и меньше всего ему сейчас хотелось увидеть ее имя в главном меню.

Дату отъезда ему сообщили в конце недели. Оставалось еще несколько дней. Он был готов.

Накануне он почти не спал. Размышлял о том, что ждет

его впереди, как эта ссылка повлияет на его возвращение к жизни.

Проходя рано утром по Лионскому вокзалу, он почувствовал легкое головокружение, почти панику. Волнение. Но оно тут же улеглось. В течение нескольких минут он был не в состоянии испытывать положительные эмоции. Но это заботило его совсем недолго; даже опасения представлялись ему сейчас чем-то сложным. Оправится ли он когда-нибудь? Конечно. Просто нужно время.

И возможно, удаленность.

Когда высокоскоростной поезд покинул Париж, Юго внимательно пригляделся к многочисленным теням, собравшимся у выхода из тоннеля. Ему показалось, что многие из них – его собственные.

Юго открыл глаза, когда на подъезде к Валансу² завизжали тормоза. Воздух на платформе был свежее, чем в Париже. И каким-то более душистым. *Каким-то настоящим*, подумал он, прежде чем понять, что это меняется он сам. Он раскрывался жизни. Он укоренялся на земле, его эмоции пробуждались. *Не расслабляйся, сегодня вечером ты окажешься в выкрашенной жухлой краской одиннадцатиметровой клетушке без окон и снова впадешь в депрессию, спрашивая себя: «А что я здесь забыл?»*

² Валанс – город во Франции, на скалистом возвышении левого берега Роны. – Здесь и далее примеч. перев.

Но это его не остановило, а, напротив, слегка развеселило, и он обескураженно улыбался: даже сейчас он, хотя совсем не пишет, все равно подбирает неизбитые слова. *Жухлая? Ты всерьез?* И если сейчас его беспокоит только это, значит он на верном пути.

Переписка увела его глубоко в Альпы, к подножию величественных колоссов, которые, казалось, хотели укрыться под нескончаемыми серыми, коричневыми или зелеными покровами, откуда изредка выступало то колено, то локоть, — они поднимали почти до самых вершин свои угловатые лица с сотканными из туманов шевелюрами и окладистыми бородами, как у непререкаемых мудрецов. Казалось, он вернулся во времена сотворения мира, где человек осознавал свою ничтожность на этой земле, чувствовал призыв к смирению, именно в этом Юго сейчас нуждался.

Юго размышлял о том, что ждет его там, наверху, среди других людей, запертых вместе на пять месяцев. Летом горы казались ему менее угрожающими, чем зимой. Сейчас они скорее походили на лагерь альпинистов. По телефону ему радостно подтвердили, что встретят, и пообещали послать за ним кого-нибудь. Что же представляют собой эти волонтеры-отшельники?

Поезд осторожно двигался по склонам, протискиваясь из одной долины в другую по узким сырým тоннелям, останавливаясь на совсем крошечных станциях, а нежные оттенки растительности становились все изысканнее по мере уда-

ления от цивилизации и загрязненной окружающей среды. Юго был поражен пейзажем: отроги, выступающие из склонов, как если бы какой-то великан пронзил гору насквозь острием своего каменного копья; извилистые хребты, балансирующие между двумя вершинами, обдуваемыми ледяными беспощадными ветрами, несмотря на нависшую над ними лазурную синеву. Повсюду диковинные громады, сформированные силой, чья мощь сравнима лишь с ее же терпением. Озера, попадавшие ему на пути, напоминали слезы, застывшие в морщинах времени. И только черные точки птиц или бродивших вдалеке случайных млекопитающих придавали, к счастью, хоть какое-то подобие жизни этому геологическому рельефу, неспешность которого в человеческом измерении была подобна смерти.

Поезд остановился перед скромным зданием вокзала с бледно-зелеными ставнями. Мондофен-Гийестр. Преодолев часть Альп, Юго прибыл на место; он спустился на подножку и поднял голову. Посреди огромной котловины под скалой, где возвышался форт, который Юго мог бы приписать Вобану³, раскинулся городок, присутствие которого выдавали лишь крыши. *По крайней мере, если произойдет вторжение инопланетян, мы сможем укрыться здесь*, усмехнулся он.

Он единственный сошел на этой станции, но в тени вок-

³ Себастьян Ле Претр де Вобан (1633–1707) – французский военный инженер, маршал и писатель; строил и усовершенствовал крепости, участвовал в 53 осадах.

зала его ждала женщина.

То ли от нетерпения, то ли от смущения она пританцовывала на месте и переминалась с ноги на ногу. Она повернула голову в его сторону.

Не сводя с нее глаз, Юго ступил на платформу, и от одного этого взгляда в него снова хлынула жизнь.

2

Эта женщина совершенно свободна – никому и ничему не принадлежит. И неуловима, понял Юго, как только увидел ее. Ему нравилось набрасывать портреты встреченных им людей, как если бы он писал роман. В данном случае это была современная Офелия, не плывущая в саване волн, а парящая в воздушном потоке жизни, которую она излучала и которая особенно искрилась в ее глазах. Их радужная оболочка горела мятежным блеском, переливаясь коричневатыми оттенками, от темно-шоколадного до светлого орехового, подобно осенней радуге, словно высеченной из тигрового глаза. Копна ее непокорных волос тоже была какой-то сверкающей, отличающейся от привычной гаммы, не светлой и не каштановой, а совсем другой, отказывалась подчиняться ветру и жила собственной жизнью. Юго заметил нежное выражение, постепенно появляющееся на ее бледных губах, намек на ямочки, не решающиеся показаться полностью, и

ему сразу понравилось, как она, увидев его, склонила голову набок; она излучала пленительную противоречивость, романтическую сущность в дикой оболочке. «Я что-то зашел слишком далеко, видимо, увлекся», – одернул себя Юго, вскинув рюкзак на плечо. Он подошел и приветственно поднял руку.

– Юго? – хриловатым голосом спросила она.

Совершенно цельный образ.

Они обменялись крепким рукопожатием. Слегка за тридцать, повадки девочки, выросшей на природе, неутомимой покорительницы горных троп.

И цвет лица тоже, заметил он.

– Добро пожаловать, я Лили. Ваш шофер. Это все ваши вещи? Обычно новички приезжают с тремя-четырьмя чемоданами!

Она издала короткий, милый смешок, который понравился Юго своей искренностью. Казалось, в ней нет ни капли лжи. Ни малейшей фальши. По крайней мере, так он чувствовал, и ему хотелось в это верить.

Он пожал плечами:

– Я путешествую налегке.

Собственные слова вызвали у него раздражение, придется следить за своими репликами.

– Зато у нас будет достаточно места, – сказала Лили, жестом пригласив его следовать за ней к парковке перед вокзалом. – Вас не укачивает в машине? Путь неблизкий, дорога

очень извилистая, – увы, для вас это будет длинная поездка.

– Не волнуйтесь. А сколько нам ехать?

– Летом проще, около трех часов в гору.

– Да, на собеседовании мне не соврали: это и впрямь конец света.

– Слыхали про Марс? Мы чуть ближе.

– Вы хорошо знаете эти места?

Она кивнула, тряхнув своей гривой:

– Я инструктор по горным лыжам.

Она остановилась перед джипом «ренглер» и открыла заднюю дверь, чтобы Юго мог закинуть рюкзак, потом села в машину и стянула волосы лежавшей на приборной панели резинкой.

Она вела машину уверенно, по-спортивному.

– Впервые в горах летом?

– Неужели это так заметно?

Лили тихонько хихикнула:

– Это написано у вас на лбу большими буквами.

– Я надеялся, что хотя бы неделю мне удастся поддерживать иллюзию...

– Только без стресса, Юго, – можно я буду называть вас Юго?

– Можно даже на «ты», так лучше.

– Все будет хорошо. Большинство сезонных сотрудников уже приехали. Чувствую, в этом году у нас подбирается хорошая команда. Вообще-то, там, наверху, зануд нет, достаточ-

но только не отлынивать, и тебя оценят. Ты в основном будешь вкалывать в паре со стариной Максом; с виду он немножко ворчун, хлебом не корми – дай побурчать, но не вредный. Перемены в жизни?

– С чего это ты взяла?

– Большинство таких, вроде тебя, которые приезжают на лето, – это либо всякие шишки, у которых после десяти лет работы в компании сносит крышу и они начинают искать смысл жизни и все такое... либо маргиналы.

– А что, третьего не дано? Скажем, просто парень, который соглашается на первую попавшуюся работу, чтобы заработать немного денег?

– Только ради этого не стоит сидеть в полной изоляции в горах почти полгода, да и, будем откровенны, зарплата здесь не бог весть какая, ты мог бы найти работу и получше. Нет, сюда приезжают либо в знак протеста, либо чтобы сбежать откуда-то. Ты не очень-то похож на эксцентрика. Руки не мозолистые, ты интеллеktуал, который хочет изменить свою жизнь, хотя бы на время.

Юго, не скрывая восхищения, скорчил уморительную гримасу:

– Мы знакомы всего пять минут. А ты уже видишь меня насквозь.

– Просто привычка: тех, кто рвется в ссылку, не так уж и много.

– Ты всю жизнь прожила в горах?

– В Валь-Карьюсе? Нет, черт побери, конечно нет! В таком крошечном закутке невозможно жить. Я уже три года работаю там инструктором по горным лыжам. До этого я была в Арке, но это совсем другой горнолыжный курорт.

Лили нравится жать на газ гораздо больше, чем на тормоз, вцепившись в ручку двери на крутом повороте, подумал Юго, который еще не понял, стоит ли ему бояться.

Он сосредоточился на их разговоре.

– Но ведь довольно странно перейти от всего к...

– Ничему? Это вопрос мотивации, – объяснила она. – Мне надоела толпа, надоело работать на виду. Мне нужно было вернуться к себе. Появилась возможность все изменить, и я ею воспользовалась.

Заподозрив неладное, словно услышав эхо в интонации, которую он прекрасно узнал, и заметив, что Лили не носит обручального кольца, он решил:

– Разрыв или неудачные отношения?

Она взглянула на него. На сей раз настал ее черед удивляться.

– Можно и так сказать.

– А как можно сказать по-другому?

Молчание. Юго не хотел играть в эту игру, у него пока не было оружия; в последние три месяца он не отличался ни сочувствием, ни напористостью.

Он уже собирался извиниться, когда Лили ответила:

– Можно сказать, пустая трата времени, предательство и

большой мудак. Просто огромный.

– Мне очень жаль, но это не мое дело.

Еще один взгляд молодой женщины. Быстрый. Но Юго почувствовал мягкость. Доброжелательность, которая была для него сейчас целебным бальзамом.

– Не беспокойся. Нам предстоит провести пять месяцев в тесной компании, мы выучим наизусть дурацкие истории каждого из нас, так что давай уж без церемоний. И, честно говоря, это лучшее из всего, что случилось со мной за долгое время. Я имею в виду приехать сюда, в тишину и покой, вернуться к сути.

– А не слишком тяжело жить здесь круглый год?

– Пора рассказать тебе о Валь-Карьосе. Уж не знаю, подготовился ли ты перед приездом, но, в общем, это не слишком большой и раскрученный комплекс...

Юго осознал, что даже не поинтересовался, куда он, собственно говоря, едет, слишком успокоенный мыслью о том, что его примут в команду и присмотрят за ним вдали от всего мира. Лили продолжала:

– Сам увидишь, это очень маленький семейный курорт, одна только дорога – уже целое приключение, но риск того стоит; добраться сюда часто мешают снежные заносы, поэтому место не слишком доходное. С другой стороны, зона катания небольшая, зато разнообразная, атмосфера расслабленная, на склонах никогда не бываетлюдно, много постоянных клиентов, которые знают всю подноготную друг друга, а в

разгар сезона это скрытый от посторонних глаз маленький рай.

– Как я понял, летом мы там будем практически одни, это правда?

– Валь-Карьос расположен высоко, так что мы имеем шанс получать удовольствие от снега до самого апреля. А потом закрываемся до октября. В этом-то и загвоздка: этот комплекс, как и многие другие в то время, родился на буме зимних видов спорта в семидесятые годы, но в девяностые, когда снова наступил момент инвестировать в расширение бизнеса, так и не переключился на летние. И, надо признать, с тех пор сделано не так уж много. Инфраструктура устаревает, можно подумать, здесь сознательно хотят сохранить винтажную атмосферу. Постоянная клиентура больше не приезжает, и если ничего не менять, то мало надежды, что у этого горнолыжного курорта есть какое-то будущее. Так что да, в ближайшие несколько месяцев мы будем совершенно одни. Никаких туристов. Это не то место, куда забредают случайно. Не ожидай большого наплыва визитеров.

Смекнув, что может вырваться далеко вперед, Лили резко взяла вправо, и Юго вжался в кресло.

– Стоит это понять, и, если ты без особых запросов, тебе там будет нормально. Даже сейчас. Особенно сейчас. Покой, созерцание природы, приятные коллеги, если только не облажаться при наборе в команду.

– Кроме тебя, там только сезонные работники, как я?

– Большинство. Очень немногие остаются здесь на весь год. Хотя стоило бы, – усмехнулась она. – Это маленький рай, но только для тех, кто не фанатеет от торговых центров и не имеет постоянного партнера, иначе рискуешь здесь за-
киснуть.

– Я, скорей, одинокая планета в ускользающей от меня галактике.

Юго заметил, что Лили по-прежнему пристально его разглядывает. Он же предпочел не смотреть на нее – пусть хотя бы один из них сосредоточится на дороге.

Он увидел, как после круговой развязки исчезли последние дома, и джип взревел, прежде чем броситься на приступ крутого лесистого холма, первого из многих. Разговаривать Юго расхотелось, и, чтобы не укачало, он просто любовался пейзажем, а главное – старался не отвлекать Лили от вождения, явно на предельной скорости. Перепад высоты быстро поглотил все его внимание, он смотрел на оставшиеся внизу верхушки хвойных деревьев, а чередой поворотов, поднимающих их все выше и выше, повергла его в приятное оцепенение. Лили слушала музыку – старую рок-группу *Ten Years After*, уточнила она, поинтересовавшись, не мешает ли это ему.

Она ничего не преувеличила: это было настоящее ралли. Ускорение после каждого виража, долгий подъем, новый вираж в другую сторону, и так без конца. Лили прекрасно управлялась с машиной, хотя Юго не мог отделаться от ощу-

щения, что она постоянно выезжает на середину дороги, и боялся, что они не успеют увернуться, если им навстречу из слепой зоны, которые множились с каждым поворотом вместе с елями на обочинах, выскочит машина.

Словно прочитав его мысли, она успокоила:

– Это единственный путь в Валь-Карьос и единственный населенный пункт на этой окаянной дороге, поэтому, уверяю тебя, нам на пути никто не встретится.

Окаянная дорога... Я мог бы выразиться так же.

Она все больше и больше нравилась ему.

Они продолжали подниматься. Городок, где он вышел из поезда, теперь выглядел мозаикой геометрических фигур и размытых красок, а когда они миновали перевал, полностью исчез из виду. На его месте возникла череда головокружительных ущелий, которые они лихорадочно преодолевали по тонкой полоске асфальта, и нагромождение массивных уступов, у подножия которых Юго ощущал свою полную уязвимость.

Не переставая подниматься, они перелетали с одной горы на другую. В краю светотени, куда редко падали прямые лучи солнца, в краю сгущающихся теней Юго задавался вопросом, достигнут ли они когда-нибудь вершины. Наконец они выбрались на плато и пересекли лес огромных деревьев, хвойных конусов с непроходимо густым подлеском. Поддерживать в нормальном состоянии просеку, по которой они двигались, должно быть, само по себе нескончаемое и изну-

рительное дело. Юго видел, что мох облепил края дороги и начал покрывать асфальт, что своенравные ветки сплели густой и темный свод над джипом. Ему казалось, что эти высокие ели пристально наблюдают за ним, и вообще, что со стороны за ними кто-то следит... Едва они покинули лесной участок и оказались на склоне, где снова стали петлять, Юго подумал, что он просто рехнулся, если такая мысль могла прийти ему в голову. *Лес ни за кем не шпионит. Лес – не человек.*

Лили проигрывала альбом за альбомом, доставая компакт-диски из бардачка, что каждый раз тревожило Юго, хотя он не совсем понимал почему: то ли потому, что рука Лили касалась его коленей, то ли потому, что она не смотрела на дорогу. Группа *Funkadelic*, Грета ван Флит. *The Raconteurs*. Она явно испытывала особое пристрастие к року и гитаре. Юго больше нравилась спокойная музыка, но и эта его не раздражала.

Долина внизу постепенно теряла четкость, превращаясь в размытое пятно, никаких следов присутствия человека в поле зрения. Нигде. Ничего, кроме этих каменных големов⁴ с телами титанов, облаченных временем в бесформенные растительные покровы.

Они проскочили между двумя отрогами, и сразу за крутым поворотом показался угол здания. Юго выпрямился. Он

⁴ *Голем* – глиняный великан из еврейских легенд, в зависимости от извода легенды – защитник, бунтарь или существо, задуманное добрым, но ставшее злым.

не был уверен, что под конец не задремал.

– Да уж, оно того стоит, – потягиваясь, признал он.

– Если все пойдет хорошо, тебе придется снова ехать по этой дороге только через пять месяцев, так что успокойся.

Она резко повернула руль, и джип выехал на небольшую служебную дорогу и вскоре остановился на посыпанной гравием площадке на скальном выступе. Отсюда можно было любоваться видом на горнолыжный комплекс, расположенный прямо напротив, сразу за изгибом горных пород, за которым исчезала дорога. Четырехэтажные корпуса, облицованные коричневой деревянной обшивкой, следовали один за другим, образуя перевернутую букву V, в центре – главный зал с широкими окнами, выходящими на захватывающие дух пейзажи, несколько башен, похожих на колокольни, а справа, у подножия подъемников – ряд шале с террасами.

– Твой новый дом. – Лили забралась на капот и там усе-
лась.

Потрясенный открывшимся зрелищем, Юго в задумчивости созерцал тянувшийся ниже бесконечный склон. У него создавалось ощущение, что пустота медленно засасывает его... Он предпочел перевести взгляд в том направлении, где ему предстояло жить. То, что зимой было склоном, теперь представляло собой заросшее травой и утыканное на всем своем протяжении серыми опорами ущелье, которое поднималось к вершинам. Кресельных подъемников нигде не было видно: наверное, их уже убрали на склад.

Где-то в вышине пронзительно крикнула хищная птица. Куда бы Юго ни глядел, повсюду он видел только ели, острые выступы и обрывистые склоны. *Я приехал сюда, чтобы спастись от собственных провалов, а оказался среди пропастей...*

Воздух был бодрящим. Как и окружающая природа. Действительно, это и впрямь идеальное место для работы, которую ему предстояло проделать над собой. *Я здесь не для того, чтобы избежать провалов, а чтобы их заполнить. И сперва следует преодолеть страх в них погрузиться.*

Юго подошел к краю выступа. Потрявоженные мелкие камешки посыпались вниз по склону к лесу. Снова возникло ощущение, что его затягивает в пустоту. Носок его ботинка повис над пропастью, Юго приготовился падать. Если он качнется вперед, то полетит. Недолго, но достаточно, чтобы испытать эйфорическое ощущение власти над собой, свободы. *А потом твоя черепная коробка вдребезги разобьется вон о тот огромный валун и разлетится на куски с ужасающим гулким и хлопаяющим звуком, и от тебя останется труп без лица, кровь и прилипшие к стволам деревьев ошметки мозгов.* Он отпрянул, чтобы наполнить легкие воздухом. Он чувствовал себя живым. Абсолютно живым.

– Пять месяцев, – пробормотал он. – Это мне подходит.

Он затылком ощущал взгляд Лили.

– Ты не страдаешь клаустрофобией? – спросила она.

– Нет, размеры вполне подходящие.

Весь комплекс и правда оказался небольшим, однако, поскольку присутствия людей здесь совсем не ощущалось, маленьким тоже не казался. Хвойные деревья обступали весь Валь-Карьос, за исключением нескольких скал, которые возвышались в основном с левой стороны. Юго заметил там шале или, скорее, поместье, если учитывать его величину и примыкающую к нему башню. Она походила на скандинавскую церковь, Юго забыл, как они точно называются⁵.

– А что это за владение, вон там, чуть в стороне? Неужто частная собственность Джорджа Клуни?⁶

Лили слезла с капота и уселась за руль.

– Пошли, нас будут ждать.

Юго почувствовал, что она чем-то обеспокоена.

– Я что-то не так сказал?

Лили покачала головой и тронулась с места. Осторожно дав задний ход, она объяснила:

– Сегодня твой первый день, пусть у нас обоих останутся приятные впечатления друг о друге. Когда приедешь туда, не упоминай при других о поместье.

Последний километр до Валь-Карьоса они проехали в молчании.

⁵ Имеется в виду ставкирка, или мачтовая церковь.

⁶ *Джордж Клуни* (р. 1961) – американский актер, режиссер, продюсер и сценарист, звезда Голливуда, обладатель многочисленных наград и номинаций, правозащитник.

Черная пасть гаража поглотила джип, автомобиль на полной скорости промчался по всей подземной парковке деревянного здания – Юго вцепился в кресло – и чуть не врезался в противопожарные двери в глубине. Юго распрямил онемевшее за время поездки тело. Неоновые огоньки длинной вереницей тянулись к залитому солнцем прямоугольнику выхода. На мгновение Юго почувствовал себя зажатым пространством, отделявшим его от света узником этого холодного серого бетонного бункера. Вокруг стояло всего несколько машин, большая часть парковки была совершенно пустой. Должно быть, с наступлением темноты здесь становится жутковато, подумал Юго. *Нашел время думать об этом!* Он снова бросил взгляд на нескончаемый ряд массивных опор, череду унылых светильников и вынужден был признать, что ход его мыслей вполне обоснован: место выглядело зловеще. Слишком здесь было пустынно. *Вот что ждет меня в ближайшие пять месяцев, так что стоит поскорее привыкнуть.*

Заметив, что Лили пытается вытащить из багажника его рюкзак, он подхватил его и двинулся за девушкой к металлическим дверям. Пройдя мимо лифта, она направилась к лестнице.

– Вообще-то, мы редко пользуемся лифтом, – пояснила

она. – Представь себе, что он сломался, а учитывая, в какой изоляции мы живем, как-то не улыбается просидеть два дня взаперти в ожидании монтера.

– Точно.

– В сезон, чтобы не было лишних проблем, у нас здесь есть специально обученный парень, но в остальное время года это себя не оправдывает.

Юго не мог не задуматься, не случилось ли такое раньше. Жуткий для клаустрофоба опыт – оказаться не только в крошечном, но и подвешенном в пустоте пространстве, удерживаемом только тросом, да вдобавок на затерянном в горах курорте.

– Полностью с тобой согласен, – заметил он. – Ходить по лестнице полезно, если хочешь сохранить спортивную форму.

Юго последовал за Лили на первый этаж одного из двух корпусов, где располагались жилые помещения Валь-Карьоса. Они вышли в вестибюль, миновали пустующую стойку администратора. Юго повернул голову, и его поразили размеры и потрясающая архитектура здания. На протяжении почти двухсот метров взгляду открывалась впечатляющая перспектива – четыре мансардных этажа, опоясывающие сверху вестибюль, придавая ему сходство с тюрьмой или с отелем, – кажется, в стиле ретрофутуризма⁷. Юго не был

⁷ *Ретрофутуризм* – в фантастической литературе описание будущего, основанное на уже устаревших технологиях; популярный пример ретрофутуризма –

точно уверен. Двери всех апартаментов выходили на четыре бесконечные широкие лоджии, а в потолке располагались световые люки, чтобы эта длинная анфилада не походила на темный барак. Декор был выдержан в духе восьмидесятых, если не семидесятых годов прошлого века: потертое ковровое покрытие с оранжевыми узорами, повсюду искусственные растения, чтобы внести ощущение свежести, неработающие винтажные светильники и диваны округлой формы в полиэтиленовых чехлах.

Здесь было тихо, как в церкви.

– Добро пожаловать в Большой Б.

– В Большой Б?

Их голоса эхом отдавались в огромном зале.

– Да, так называется эта зона. Напротив находится корпус А, который мы окрестили Б/У, бывший в употреблении, он был построен первым, что, в общем, и так заметно. У всех корпусов есть названия, ты увидишь. Так проще в повседневной жизни, ну и это место выглядит более живым, каким-то очеловеченным, что ли.

Лили повела его к выходу – двум большим стеклянным дверям с наличниками соснового дерева, и Юго смог наконец отдышаться и полностью рассмотреть, как устроен весь комплекс.

Справа тянулась широкая полоса яркой, свежей травы: с одной стороны находились подъемники, с другой – ряды

шале, частично скрытые среди деревьев. В дальнем конце над горизонтом возвышалась современная крепостная башня, которую по бокам словно плащом окутывал окружающий Валь-Карьос лес.

– Это Башня. Внутри – зрительный зал, кинотеатр и дискотека в подвале. Но, как ты понимаешь, сейчас ничего не работает. Пойдем, я покажу то, что нас интересует.

Впереди Юго увидел V-образный комплекс, над которым возвышался купол, поддерживаемый массивными колоннами. За ними он разглядел какое-то странное сооружение.

– Там что, огромный колокол в колокольне?

– Нет, это бред, выдумка того типа, который построил Валь-Карьос. Ветряной карильон. Вроде самый большой в мире или что-то в этом духе. Не уверена, что это официально признано, но здесь все так утверждают.

– И он действует?

– Учитывая его вес, расшевелить такой колокол могут только порывы ураганного ветра. Впрочем, на такой высоте недостатка в них не бывает. Не беспокойся, ты его еще услышишь. Тебе даже надоест. Тем более что твоя квартира почти под ним. Пошли.

Лили провела его в зону, которую она называла «В». Они поднялись по другому коридору, в том же устаревшем и немного аляповатом стиле; прошли мимо ресторана, оформленного под альпийское шале (повсюду дерево и овечьи шкуры), который, похоже, давным-давно был закрыт; двери ве-

ли в офисы или конференц-залы, летом обреченные на бездействие, зоны отдыха с детскими игрушками и накрытыми чехлами стульями в стиле дзен⁸; широкие лестницы вели на верхние этажи... Здесь запросто можно было заблудиться.

– Ты дашь мне карту помещений? – полушутя-полусерьезно спросил Юго.

– Поначалу ты наверняка будешь путаться, но вскоре разберешься. Первое время ходи по главным коридорам – это центр здания.

Юго понял, что больше всего его поражает тишина. Ни голосов, ни машин, никакого шумового загрязнения. Только звук их шагов по ковру, шорох джинсов и рукавов курток. От этого в таком гигантском помещении с высоченными потолками и галереями длиной в десятки метров с обеих сторон здания делалось немного не по себе.

Проходя мимо набитого товарами, но неосвещенного продуктового магазина, Лили добавила:

– Он открыт каждое утро, кроме воскресенья, так что если что-то понадобится из съестного, то это здесь. Симона откроет для тебя счет.

– Сколько нас всего?

– На прошлой неделе все постепенно приехали один за другим, – кажется, ты последний. Всего должно быть... что-то около дюжины.

⁸ Основа стиля дзен, используемого в интерьере, – минимализм, элегантная простота и четкость прямых линий.

– Я вообще не запоминаю имена, придется сделать себе памятку.

– Могу тебя успокоить: я до сих пор не выучила имя девушки, которая приехала позавчера. Но выучу. В изоляции отношения устанавливаются очень быстро.

Они добрались до самой сердцевины V, как догадался Юго, где-то под куполом, и вошли в обставленную столами, стульями и прилавками просторную столовую в индустриальном стиле⁹. Лили обвела помещение руками:

– Столовая. Здесь мы едим чаще всего. Ты, конечно, можешь стряпать у себя, но знай, что здесь во время еды собирается небольшая компания и мы готовим по очереди. Кладовки, морозилки и холодильники переполнены, так что не расслабляйся, иначе, пока ты здесь, прибавишь килограммов десять.

Внимание Юго привлекло какое-то движение, и он заметил мужчину, который развалился на одном из диванов перед панорамным окном, выходящим на широкий цветущий луг. Человек встал, держа в руках ноутбук. Около тридцати, всклокоченная рыжая борода, очки и футболка на два размера больше, хотя его полнота все равно была очень заметна. На футболке изображен охваченный пламенем поющий череп – логотип мрачной скандинавской метал-группы.

⁹ Индустриальный стиль в интерьере подразумевает главенство пространства, предполагающее простор в помещениях и минималистскую немногочисленную мебель.

– А, привет, Лили.

– Юго, это Аксель.

– Эксхел! – поправил парень, подходя к ней. – Ех – как «бывший», а hell – как «ад» по-английски!

Он протянул Юго пухлую руку. В высоту он был примерно таким же, как в ширину.

– Извини, Эксхел, я забыла, – сказала Лили, закатывая глаза.

– Если произносить по-французски, то звучит как компьютерная программа *Excel*, есть в этом что-то дьявольское, – настаивал он. – Это мое виртуальное имя.

Рукопожатие у него оказалось гораздо крепче, чем можно было предположить по его манере держаться.

– Это наш айтишник.

– У меня не сложилось впечатления, что у вас тут очень высокотехнологично, – признался Юго.

– Чтобы рулить этим бардаком, все же нужен какой-то минимум, – ответил Эксхел. – Кроме того, я веду сайт горнолыжного курорта для бронирования. Без меня тут все развалится.

Лили вздохнула и потащила Юго назад.

– Он здесь всего месяц, а уже выпендривается... – усмехнулась она. – Идем, покажу тебе твоё жилище.

– Приятно познакомиться, – добавил Эксхел, – у нас еще будет возможность потрепаться. Надеюсь, ты фанат игр?

Юго не успел ответить, Лили вытолкнула его из комна-

ты. Очередная из бесчисленных двустворчатых распашных деревянных дверей привела их на лестницу на третий этаж, затем они шли по коридору с пестрым покрытием, который, казалось, тоже никогда не закончится.

– Прямо как «Сияние»¹⁰, – заметил Юго.

– Мне кажется, именно это говорит каждый новый человек, когда приезжает сюда. В то же время стоит в каком-нибудь отеле возникнуть несколько странной атмосфере, обязательно вспоминают этот роман... Мы почти пришли. Твой номер эс – двести двенадцать, стандартный двухкомнатный. Комфортабельный.

– И все живут в этом здании?

– Большинство на двух этажах корпуса В и Г напротив, чтобы чувствовать себя свободнее. Твой ближайший сосед находится на другой стороне коридора, в самом конце, так что по вечерам можно включать громкую музыку, и никто не будет стучать в стену.

Юго не мог понять, успокаивает его это или пугает.

– А ты где живешь?

– Если найдешь – узнаешь, – хихикнула она.

Лили достала из кармана ключ и открыла дверь в квартиру, которая на ближайшие несколько месяцев станет его берлогой. Большая главная комната с кухней в американском

¹⁰ «Сияние» («The Shining», 1977) – роман Стивена Kinga, написанный в жанре психологического ужаса с поклоном готике, и его экранизация, снятая Стэнли Кубриком в 1980 году с Джеком Николсоном в главной роли.

стиле и спальня рядом, в традициях горных шале. Мебель немного старомодная, на стенах – невыразительные альпийские пейзажи, но в целом все неплохо.

– Конечно, ты можешь добавить что-то свое, – уточнила Лили. – Но если ты развесишь плакаты с футболистами или афиши концертов электронной музыки, я подожгу твою ко-нуру.

Свою тираду она подкрепила громким смехом, коротким, но мелодичным, и Юго подумал, что давно не слышал, чтобы кто-то так искренне смеялся.

– Если бы в девяностые мне было пятнадцать, я, может, так бы и сделал, – ответил он, подходя к окну во всю стену. – Но теперь...

По другую сторону луга виднелась противоположная перекладина буквы V, чуть левее – здание, тоже покрытое деревянной обшивкой, и за ним – ошеломляющая пустота долины с почти теряющимся вдали склоном.

– Ну что ж, я пойду, постараюсь разобраться. Сегодня в семь вечера, перед ужином, в зале над Материнским кораблем¹¹ состоится собрание... Не беспокойся, я за тобой зайду. Встретимся без четверти семь в столовой.

Дверь захлопнулась, и все эти имена, все эти захватывающие дух виды смешались в голове Юго. Он уже не понимал,

¹¹ *Материнский корабль*, или корабль-матка, – корабль больших размеров, который вмещает в себя менее крупные суда и аппараты – катера, воздушные шары, самолеты и т. д.

где находится. *Мне необходим горячий душ.*

Он не мог отвести глаз от созданной природой декорации за окном. Правильно ли он поступил, согласившись на эту работу? Просто так ее теперь не бросишь, вечером домой не вернешься. Он подписал контракт не задумываясь, когда искал любую возможность вырваться из повседневной рутины, и теперь, полностью осознав все последствия такой скоропалительности, чувствовал себя несколько растерянным. Жизнь, которая возвращалась в него по мере того, как он удалялся от Парижа, и особенно – когда увидел Лили, снова испарялась из его души. Эта девушка действовала на него благотворно. Именно потому, что источала жизненную силу, которой буквально искрилась; ее излучали глаза Лили, то и дело возникающая улыбка и даже стремительный поток слов, стоило ей открыть рот.

– Но только не манера вести машину! – вслух пробурчал он. – Тут скорее можно утверждать, будто она рвется покончить счеты с жизнью! Черт побери!

Его не огорчала мысль о том, что по крайней мере несколько недель ему не придется сидеть рядом с ней в джипе.

Юго машинально взглянул на свой телефон – он не ждал никаких сообщений, да почти и не получал их, замкнувшись в себе, а никто и не добивался его слишком настойчиво.

Сети не было.

Стоит ли удивляться, в такой-то дыре? И все-таки где-то

должна быть антенна – не может горнолыжный курорт в двадцать первом веке обходиться без мобильного телефона. Это нелепо по отношению к клиентам. Возможно, проблема в его телефоне, подумал Юго. Он проверил вайфай, но безуспешно. Но ведь Эксхел-то работал на ноутбуке, значит поблизости должен быть терминал. *Посмотрю, что будет в столовой...*

Вспомнив об айтишнике, Юго подумал: интересно, остальные такие же? Если да, то скучать не придется...

На потолке, прямо над ним, слышались мелкие шажки, и от неожиданности Юго отпрыгнул назад. *Крысы?*

Да, неплохое начало.

Двадцать недель. При желании можно продлить еще на четыре. Он подписал контракт. Он не мог уехать раньше, он себе это запретил. Не мог допустить еще один провал. Он бросил вызов самому себе. Идти до конца. Да и кто знает, может, ему предстоит пережить необыкновенный момент в своей жизни? То, что некоторые возвращаются сюда из года в год, доказывает, что такой опыт может быть удачным. *Вот Лили! Она живет здесь, значит вовсе не обязательно, что здесь ад...*

Юго взялся за рюкзак. Пора извлечь его содержимое и освоить это место. Здесь его новый дом.

Ночь подкралась быстро, как неприятности. Это была одна из любимых присказок Юго, которую он вставлял в разговор при каждом удобном случае, поскольку неприятности валяются на вас со скоростью света, и *a fortiori*¹² гораздо быстрее, чем хорошие новости.

День в мгновение ока растаял где-то на высоте. Юго слышал, что так бывает, но полагал, что это всего-навсего устоявшееся выражение. И все же он не ожидал, что, пока он разложит свои пожитки в шкафу и в комод и примет душ, растягивая удовольствие и наслаждаясь теплыми струями, снимающими тяжесть бесконечного путешествия, за окном уже стемнеет. И не просто немного стемнеет. Опустилась чернильная тьма, не разбавленная даже каплей лунного света или хотя бы робким мерцанием звезд, – ничего подобного, просто полный мрак, очерченный плотной завесой облаков. В его окне теперь отражалась комната, а то, что находилось снаружи, было полностью скрыто. Юго всегда занимал этот фокус оконных отражений, которые по мере захода солнца отказываются фиксировать темноту снаружи, переключаясь на то, что могут воспроизвести внутри. Прозрачность превращается в зеркальность. Может, там, в мире, есть что-то,

¹² Особенно (лат.).

чего лучше не видеть? Что-то, что законы физики решили скрыть от людей, требуя, чтобы они сами докопались до истин? Этакая метафора сознания, которое должно пробудиться, пока тени выходят из своего логова?

Слишком много толкований... Юго всегда приходил к такому выводу.

Из-за горного рельефа день здесь угасал очень быстро. Высокие вершины поглощали солнце, а отроги и долины торопливо отбрасывали свои длинные темные тени. Только и всего.

Обмотав полотенце вокруг пояса, чтобы высохнуть, Юго бродил по своему новому дому и знакомился с содержимым кухонных шкафов, когда впервые почувствовал странный запах. Он не был уверен, пахло ли так с самого начала, а он только теперь обратил на это внимание, или же запах появился только что. Запах сырости и... разложения. *Плесень. Воняет плесенью.* Он рывком распахнул холодильник, полагая, что обнаружит в нем испорченные продукты, оставленные предыдущим жильцом, но там было пусто и даже очень чисто. Здесь явно убирали перед его приездом – все было безукоризненно, он уже успел это заметить. Юго стал принюхиваться, чтобы определить источник неприятного запаха. Он осмотрел все поверхности: столешницу рядом с раковиной, барную стойку, отделяющую кухню от гостиной, затем круглый стол и даже подушки занимающего противоположный угол Г-образного дивана. Ничего.

Этим запахом пропитан сам воздух.

Вдруг что-то на стене привлекло его внимание, и он медленно подошел ближе. В одном месте отогнулся уголок обоев. Здесь запах был сильнее. С оттенком органического разложения. Кислый и вязкий, он раздражал слизистую, и казалось, будто весь пищевод покрылся какой-то зловонной пленкой. Юго уткнулся носом в сгиб локтя и наклонился к отклеившемуся уголку обоев. Под ним на стене проступало что-то бурое и липкое. *Что это еще за фигня?* Неужели из-за крыс на чердаке совсем сгнили гипсолитовые перегородки? Свободной рукой он потянул за обои. Они легко отошли, и каждый новый сантиметр открывал все тот же слегка влажный коричневатый след, а вонь усиливалась. Потом оттуда скатилась темная капля, образовалось мокрое пятно и постепенно сделалось алым. Вся полоса оторвалась с таким звуком, словно от раны отодрали присохший бинт, и Юго от ужаса вытаращил глаза.

Все было красным. Кроваво-красным. По голой стене стекали ручьи. Внезапно стена начала *пульсировать*. Словно чье-то тело в ответ на агрессию теперь давало понять Юго, что он сорвал кожу с живой плоти, которая превратилась в открытую рану и содрогалась в конвульсиях. Кровь лилась по всей обнажившейся поверхности, и на мгновение Юго даже показалось, что он слышит, как бешено колотится чужое сердце, с каждым ударом усиливая кровотечение.

Он тяжело дышал, на висках выступила испарина.

Его собственное забилося в унисон с сердцем отеля, и Юго покачнулся. Хотел закричать, но не смог. Вся комната накренилась, и Юго провалился в пустоту...

5

Тяжело дыша, Юго рывком сел в постели. Он не понимал, кто он такой, не узнавал окружающую обстановку, не понимал, грозит ли ему какая-то опасность, не мог отличить, что – реальность, а что – часть кошмара, до тех пор, пока его разум не соединился с памятью. *Валь-Карьос. Горнолыжный курорт. Квартира.*

Спальня тонула в полумраке.

Юго долго пытался отдышаться, потом сел на край кровати. Он задремал после душа. Свет в спальне померк. *Черт, встреча!*

Телефон показывал 18:32. Время еще есть.

Он помедлил, пытаясь осмыслить последние неприятные ощущения от своего страшного сна. Ему казалось, что это действительно произошло с ним. Реальнее, чем в жизни. В носу все еще стоял этот ужасный запах... *Пребывание здесь, то, что я сам от себя скрываю, чего не хочу видеть, мучает меня...* Юго был не из тех, кто придает большое значение снам, но все же это было слишком очевидно, чтобы просто отмахнуться. *Вот и хорошо. Что-то во мне меняется.* А он

в этом нуждался.

Он залпом выпил большой стакан воды, чтобы окончательно избавиться от гнилостного привкуса, и оделся, не зная, похолодает ли к вечеру. Но раз они находятся высоко в горах, Юго надел флисовую куртку поверх слишком легкого для гор дизайнерского свитера фирмы «Паризьен». В гостиной он осмотрел обои. Сердце заколотилось, когда он заметил, что на одной из полос и в самом деле отклеился уголок. Осторожно подошел к стене. Белая поверхность стены, выглядывавшая из-под бумаги, была бы совершенно безупречной, если бы не остатки засохшего клея.

Юго глубоко вздохнул.

– Если мне встретятся близнецы в голубых платьях¹³, я отсюда сваливаю, – дурачась, произнес он.

Звук собственного голоса успокоил его. *Я здесь всего два часа, а крыша уже поехала. То ли еще будет...*

Он взял ключ и вышел в коридор. Там стояла крошечная тьма. Он нащупал выключатель, и на стенах стали беспорядочно зажигаться бра. От убегающей вдаль череды дверей, светильников и оранжевой полосы на ковре у него едва не закружилась голова. *Ну-ка соберись и не раскисай, это просто коридоры, только коридоры и ничего, кроме коридоров.*

Юго шел все в той же странной тишине и, дойдя до лиф-

¹³ Имеются в виду привидения сестер Грейди, которых убил их одержимый горным отелом «Оверлук» отец-смотритель; они мельком упоминаются в романе Кинга и несколько раз появляются на экране в киноверсии Кубрика.

тов, чуть было не нажал на кнопку вызова, но вовремя одумался. Он погрозил себе указательным пальцем: «Нет, нет и нет». *Дурацкая затея.* И направился к широкой лестнице. Это было несложно, дорогу он помнил. Два этажа вниз, налево, потом прямо до двустворчатых дверей, и он окажется в большом зале. *В столовой.* Этот путь он, по крайней мере, уже освоил.

Но как раз в тот момент, когда он рассчитывал оказаться перед пресловутой двустворчатой дверью, он уперся в незнакомую металлическую дверцу с надписью «Вход воспрещен. Служебное помещение». *Проклятье. Я был уверен, что...* Может, он по ошибке спустился на этаж ниже? Он вернулся и дошел до окна. Да, он действительно находился на первом этаже, здесь, между зданиями В и Г, раскинулся луг, насколько он мог разобрать в ночной мгле, которую, в отличие от его кошмара, освещало благосклонное око луны. *Хорошо. Так, может, мне надо направо?*

Пройдя назад по собственным следам, он обследовал еще два коридора, заглянул в помещение, похожее на фотостудию, увидел приемную перед закрытым на лето медицинским кабинетом и, наконец, остановился посреди коридора, уперев руки в боки. *Все-таки я же не полный идиот, черт возьми! Это точно здесь!* Какой незаметный поворот он пропустил? Или дверь за углом? Он чувствовал всю нелепость своего положения. «Ходи по главным коридорам», — советовала Лили. Юго огляделся вокруг. *Но ведь я и нахо-*

жусь в главном коридоре! И он не ведет к этой проклятой двустворчатой двери...

Юго был не из тех, кто может легко заблудиться в Париже и битый час искать дорогу, выйдя из метро; он был в состоянии отличить север от юга и вообще хорошо ориентировался.

– Нужна помощь? – послышался сзади знакомый голос.

В проеме полуоткрытой двери стояла Лили.

– Мне жутко неудобно, я был почти уверен, что сам смогу добраться, но потом...

– Мы все через это проходили, – успокоила она его, показав жестом, чтобы он шел за ней. – Идем, все соберутся вовремя.

Когда они подошли к выходу из корпуса В, у Юго возникло ощущение, что он двигался в правильном направлении, но не мог понять, в какой момент ошибся.

– Не волнуйся, – ответила его провожатая, когда он высказал ей свое недоумение, – завтра, когда будет светло, я снова покажу тебе дорогу, и ты поймешь, что, наверное, проскочил какой-то отрезок.

В центре комплекса возвышался так называемый Материнский корабль, пояснила Лили. Если смотреть сверху, то основные здания образуют букву А. Сейчас они находятся в ее перекладине. В этом монстре из дерева и стекла, обращенном к долине и как бы доминирующем над ней, размещаются приемная Валь-Карьоса, офисы дирекции, а также

пункт проката инвентаря и, главное, спортивные и развлекательные объекты.

– Еще три недели назад ты мог бы сходить вниз на массаж в дзен-зону, – добавила Лили, – но пока придется довольствоваться тренажерным залом и бассейном. Даже если ты не чемпион по плаванию, я бы посоветовала ходить в бассейн, когда есть возможность...

Юго не успел спросить почему, – они уже вошли в длинное помещение с чисто вымытым деревянным полом, которое представляло собой пристройку к Материнскому кораблю, выходящую в долину. Здесь, среди комнатных растений, стояли удобные диваны и кресла, а напротив друг друга располагались два камина, в одном из которых уютно потрескивало пламя. В центре, у огня, собралось с полдюжины человек, некоторые из них стояли и негромко беседовали. Звук их голосов согрел Юго даже больше, чем тепло очага. *Слишком много здесь тишины!*

– А, вот и последний! – воскликнул седой худощавый мужчина лет шестидесяти в очках в тонкой оправе. – Ты ведь Юго? Добро пожаловать!

Лили представила Юго, и все так же дружелюбно приветствовали его. На диване у камина сидели две девушки лет двадцати пяти; их он сразу заметил – обе довольно хорошенькие, даже красивые. Одна – блондинка, весьма уверенная в себе, можно даже сказать, самодовольная, с кружкой в руке, другая – метиска, не такая приметная, но ее ласко-

вый взгляд был столь же обнадеживающим, как и возбуждающее декольте. Юго заставил себя не смотреть на девушек и отвернулся. По огромной рыжей шевелюре он узнал гиганта Эксхела, развалившегося в глубоком кресле, а затем его внимание привлекли двое мужчин, которые неподалеку играли в шашки и даже не удостоили его взглядом. Один из них – лет сорока, небритый и с заметным брюшком; другому, вполне заурядной внешности, можно было дать от пятидесяти пяти до шестидесяти. Кроме них, в зале находились еще двое – молодой человек, которому еще не было тридцати, с непомерно длинными волосами, в толстом шерстяном свитере; он стоял, засунув руки в карманы протертых до дыр джинсов, и холодно смотрел на Юго, и мужчина вдвое старше, слегка поникший, лысый, с мощной шеей, украшенной толстой серебряной цепью, и с довольно примитивными татуировками на руках, из чего Юго заключил, что это либо бывший моряк, либо бывший заключенный. Мужчина в маленьких очках, который казался здесь самым главным, протянул Юго руку и представился:

- Я Филипп Деприжан, мы с вами говорили по телефону.
- Да, конечно, вы директор, – вспомнил Юго и кивнул.
- Извини, что сразу перехожу на «ты», у нас так принято, и от тебя я ожидаю того же. А вот наша высококлассная команда! Не все сегодня присутствуют, но новички здесь.

Игроки в шашки одновременно пожали плечами.

- Да, за исключением Армана и Поло, наших постоянных

сезонных сотрудников, – весело поправил себя Деприжан. – Поло – наш сантехник, а его напарник – электрик и инженер по отоплению.

У директора был зычный голос, который уже произвел впечатление на Юго во время собеседования, поэтому он не ожидал, что тот выглядит таким сублильным и похож на хорошего семьянина, приятного и улыбчивого.

– Эти очаровательные молодые женщины – Алиса, она отвечает за оборудование, но, к сожалению, покинет нас... когда точно?

– На следующей неделе, – ответила та мелодичным голосом, не соответствующим ее надменному виду.

– Нам будет очень грустно, но я надеюсь, что в октябре мы снова увидимся. Рядом с Алисой, – продолжал директор, – Джина, она приехала позавчера и такая же неискушенная в нашем ремесле, как и ты! Вы сможете постигать азы вместе.

Деприжан, казалось, не заметил двусмысленности своих слов, вызвавших смех у обоих шашистов, и продолжил:

– Джина – дизайнер, она будет главным образом устранять здесь последствия туристического сезона. Людовик, молодой человек в шикарном свитере, – механик. Прежде всего он обслуживает подъемники, но ты увидишь его практически везде. Летом здесь совершенно необходимо быть универсальным. Да, а вот, кстати, Мерлен – он отвечает за техническое обслуживание, но выручает везде, где возникнет проблема.

Мужчина с татуировками кивнул, и в его лишенных выражения глазах зажегся какой-то огонек. Деприжан подытожил:

– И наконец, Аксель, – глядя на него, никогда не скажешь, спит он или слушает, у нас в горах он айтишник.

Поклонник шведского металла в сердцах пробурчал: «Эксхел».

– Кстати, здесь где-нибудь есть вайфай? – спросил Юго.

– В столовой, – ответил Эксхел, – я дам тебе пароль.

– А телефонная сеть? Обязательно ли подключаться к определенному провайдеру? Мой, кажется, не принимает.

Юго заметил, что у его новых коллег эти слова вызвали некоторое смущение, скорее похожее на отчаяние...

– Придется обойтись без телефона, – заявила Лили, присев на подлокотник дивана.

– Вы не ловите сигнал? – изумился Юго. – На горнолыжном курорте?

– В сезон, когда подключена ретрансляционная антенна, ловим, но как только туристы разъезжаются, ее отключают.

От удивления Юго не мог прийти в себя. Он и не знал, что можно по своему усмотрению отключить сигнал в какой-то определенной зоне. Директор приложил к виску указательный палец:

– Возможно, тебе покажется, что это перебор, но ты сам увидишь, что в итоге так гораздо лучше для твоей головы. Никаких фоновых волн, ничего нездорового, проходя-

щего через твоё тело, и вдобавок мы не утыкаемся носами в экраны своих телефонов. Цифровые технологии поглощают слишком много нашей индивидуальности, кормятся человеческими душами и как ни в чём не бывало заменяют их стандартизацией наших личностей, давая взамен напрасную иллюзию нашей исключительности.

Понимая, что за этим выпрєнным текстом стоит некая реальная проблема, Юго счел за благо не вступать в перепалку с остальными и не стал ничего уточнять, особенно когда увидел, как Эксхел поднял брови и заговорщицки подмигнул ему. По крайней мере, если его угораздило попасть в секту воинствующих антипрогрессистов, он знает, что у него есть союзник.

– Пожалуйста, садись, – предложил директор, – а если хочешь кофе или чай, на столе позади тебя стоит машина, которую Мерлен любезно наполняет для нас каждый день.

Юго решил, что слишком долго привлекает общее внимание, он отрицательно махнул рукой и устроился в первом попавшемся кресле, а Деприжан продолжал свою речь:

– Аксель, ты здесь уже месяц, поэтому не стесняйся и добавляй, если заметишь, что я упустил что-то важное для сведения наших новичков. На этой неделе к нам присоединились Людовик и Мерлен и вот теперь наконец Джина и Юго. Для вас это серьёзное испытание, но увидите, скоро все будет отлично. Работа увлекательная и окружение приятное. Бывают способы и похуже, чтобы заработать на жизнь! График

простой: в конце недели команды подводят итоги и уточняют расписание, которое мы кладем каждому под дверь. Вечером возможны корректировки, но они обсуждаются в рабочем порядке. Вы увидите, все встречаются здесь, общаются в достаточно неформальной обстановке, мы помогаем друг другу, и вполне возможно, что вам на ходу придется переключаться с одного задания на другое – нет ничего строго регламентированного.

Лили вышла и вернулась с подносом замороженных легких закусок, только что разогретых в духовке.

– Фирма не жалеет затрат, чтобы оказать вам достойный прием, – пошутила она, предлагая угощение Джине и Алисе, а затем Юго.

Поколебавшись, Юго решил поднять руку и спросил Де-прижана:

– Я хотел бы знать, чем конкретно буду заниматься, потому что во время интервью вы говорили о разного рода ремонтных работах, садоводстве...

– Тыходишь в «команду хамелеонов», – ответил директор, – так мы вас называем. Ваша работа – это адаптация к непосредственным нуждам. Ремонт, вырубка леса, покраска, прокладка воздуховодов и так далее. Главный хамелеон у нас старина Макс.

При этих словах Поло и Арман прыснули, не отрываясь от игры.

– Если Макс это услышит, то подавится своим окурком! –

насмешливо бросил Арман.

– Главный хамелеон, – с издевкой повторил Поло.

Деприжан с досадой покачал головой:

– Не слушай двух этих клоунов, хотя, вполне вероятно, если потребуется, ты придешь им на подмогу. Ты поступаешь под начало старины Макса. Иногда он будет давать тебе задания в паре с А. С., нашим садовником, а если помощь понадобится Джине, чтобы, например, закрепить карниз или что-нибудь отломать, тебя вызовут в тот сектор. Короче, как я и говорил: нужно быть универсалом.

Юго снова взглянул на молодую метиску. Возможность оказаться с ней вдвоем в одном помещении и что-то срочно налаживать не совсем соответствовала его представлениям, когда он соглашался на эту работу, однако возражений у него не вызывала. Но потом он подумал об окружающей обстановке, которую ему довелось увидеть в конце дня в странной тишине, и решил, что это вряд ли сработает. *Если мы окажемся вдвоем в одном из этих корпусов, а она воспримет меня как сатира, который с возмущением на нее пялится, то получится не слишком удачно.* Необходимо держать себя в строгих рамках. Главное – относиться к ней не как к хорошенькой девушке, а как к коллеге – и не более. Он только сейчас выходит из чудовищных отношений, его чувства были уязвлены, самооценка на нуле, и последнее, что ему требовалось, чтобы как-то это пережить, – оказаться в роли «извращенца». Он приехал сюда именно для того, чтобы

вернуться в нормальное состояние.

Юго отвел взгляд и сосредоточился на речи Деприжана, который рассказывал о принципах работы во всем горнолыжном комплексе – о питании, обслуживании, расписании и выходных днях. Если прибавить уже упомянутых старину Макса, А. С. и Симону, заведующую продуктовым магазином, открытым по утрам, и секретаршу директора, которую тот уже несколько раз называл, Юго насчитал четырнадцать человек. В конце концов, не так уж плохо. Он ожидал худшего. Здесь собрались люди разных возрастов, разных характеров... Вполне достаточно, чтобы завести друзей. Пять месяцев в этих стенах не должны превратиться для него в затворничество, он должен открыться другим и за счет этого обогатить свой опыт. *Я должен доказать, что эта стерва ошибается, что я отнюдь не эгоцентричный монстр, который...*

Юго машинально стиснул зубы. Он поклялся не лгать самому себе, не идти по легкому пути. Если Люси права, он не должен об этом забывать. Он постепенно замкнулся в себе, в своем крошечном «я» и теперь не мог допустить, чтобы это повторилось. То, что он до сих пор на нее обижен, уже доказывает, что ему еще предстоит долгий путь. *А что, если я смогу хотя бы воспользоваться этим и снова начну писать?* Он не мог ручаться, здесь он тоже потерял мотивацию и уверенность в себе, в чем ни Люси, ни он сам, по правде говоря, не были виноваты. Его первый роман потерпел полный

провал, продалось меньше трехсот экземпляров, и ни один издатель книг в мягкой обложке не захотел дать Юго второй шанс, что свело на нет все его амбиции. Какой смысл писать на языке, на котором никто не хочет с вами разговаривать? Все было не совсем так, и он вскоре это понял, когда на него вновь нахлынуло *желание* писать. Ради удовольствия, для себя. Рассказать историю, сделать правильный выбор, почувствовать простую радость от того, что возникла концепция, которая благодаря алхимии письма на глазах превращается в текст... Это почище любого фокуса. Ему не хватало именно вдохновения. *Да, пожалуйста, я мог бы понемногу писать здесь, если эта обстановка навеет мне какие-то мысли...*

Он оглядел людей и помещение... Он слышал, что из-за выходящих на долину огромных панорамных окон его называют «Аквариумом». Сейчас это были просто холодные черные стены, где отражались исчезающие силуэты людей, словно те были призраками. *Я не должен считать этот отель домом с привидениями!* Но он понимал, что тут есть от чего впасть в бэд-трип¹⁴. *Надеюсь, что со временем я буду видеть все в более позитивном свете.* Немного встревоженный, он скрестил руки на груди. *Дневной свет, новые привычки, человеческое общение...* Юго вгляделся в достаточно дружелюбные лица присутствующих – никаких причин для беспокойства, все будет хорошо. Отсутствие на этом собрании «ста-

¹⁴ *Бэд-трип* (от англ. bad trip) – негативные, потенциально опасные для психики переживания, которые могут возникать во время приема наркотиков.

рожилов» показало, как мало они думают о новичках, и Юго стал опасаться, что между «местными» и сезонными работниками существует вражда. *Прекрати воображать худшие сценарии.*

Деприжан с энтузиазмом продолжал свой монолог, но Юго уже отключился... *Всем заправляет мужик, женец-на подает десерты, как это пахнет двадцатым веком!* Тут он вскочил, забрал у Лили поднос и предложил ей сесть. Взгляд, который бросила на него девушка, не убедил Юго, что она сочла его выходку столь уж галантной, но ему было плевать. Деприжан рассмеялся:

– По крайней мере, парень знает, чего хочет.

Когда собрание закончилось, Арман и Поло остались сидеть в Аквариуме, хотя уже завершили партию, и, поскольку они молчали, Юго подумал, что, скорее всего, они просто тянут время, чтобы не оставаться в одиночестве... Все остальные покидали зал и прощались на пороге. Образовались две группы: те, кто остался на Материнском корабле, включая Деприжана и Лили, и остальные, кто жил в другом месте. В последний момент Лили постучала себя по голове, показывая, что совсем забыла о своем обещании.

– Я тебя провожу, – объявила она Юго.

– Не стоит, сам найду дорогу.

– Ты заблудишься!

Она энергично тряхнула головой и направилась к лестнице, не оставляя ему выбора:

– Ты собираешься спать на сквозняке в коридоре? Это твоя первая ночь, а я твоя наставница.

Как только они вышли на улицу, Юго ощутил пронизывающий холод, его стала бить дрожь, и он был вынужден застегнуть молнию флисовой куртки до самого подбородка.

– Да, свежо! – вздохнул он.

– А ты как думал, мы же в горах!

Он собирался было ответить, что сейчас май, как вдруг увидел где-то вдалеке, над головой Лили, свет. Значит, прилепившаяся к склону и скрытая силуэтами высоких сосен усадьба, которую он заметил днем, обитаема. Юго вспомнил растерянность Лили, вызванную тогда его вопросом, и замялся.

Но любопытство взяло верх.

– Почему ты попросила меня не упоминать о шале?

Лили даже не взглянула в ту сторону – она прекрасно поняла, о чем идет речь.

– Потому что тогда все нервничают.

– Из-за шале?

Она пожала плечами и поспешила к корпусу В.

– И кто же там живет? – настаивал Юго. – Кто-то из наших?

При этих словах Лили улыбнулась, открывая дверь, чтобы пропустить его:

– Вот видишь, ты уже почувствовал себя членом семьи! Круто.

Она, видимо, догадалась, что так просто ей от него не отделаться, и ее хорошее настроение улетучилось.

– Там поместье хозяина, – пояснила она, жестом приглашая его войти внутрь.

– Это не Деприжан?

– Нет, он директор, менеджер. А там, наверху, живет владелец всего Валь-Карьоса. Но ты не будешь иметь с ним дела. Более того, ты вообще его не увидишь, пока ты здесь.

– Он что, никуда не выходит? Как бы... живет затворником?

Лили кивнула в сторону двери, чтобы он зашел. Юго взглянул на огонек в вышине. Светилось по крайней мере одно окно. Этого оказалось достаточно, чтобы у него возникло множество вопросов. Потом свет стал слабее, появилась чья-то неясная тень, неразличимая на таком расстоянии. Там кто-то стоял в дверном проеме и тоже смотрел на него.

6

Старина Макс походил на окружавшие его горы, словно, прожив здесь всю свою жизнь, уподобился им. Стихия и ход времени избороздили морщинами и складками его лицо, окаймленное редкой, короткой растительностью. Заостренный нос с двух сторон подчеркивали две ложбинки, а седые волосы, как слой снега, лежали на плоской макушке. Един-

ственной причудой старины Макса были густые усы, закрывавшие большую часть рта.

«Не такой уж он старый, – прикинул Юго, столкнувшись с Максом у выхода из корпуса В, – лет шестьдесят, не больше». А рукопожатие у него покрепче, чем у большинства парней, которых Юго встречал в своей жизни. Мозолистая, сильная рука, толстые, крупные пальцы.

Юго с наслаждением вдыхал чистый утренний, уже прогретый солнцем воздух, который, казалось, не имел ничего общего с вечерним. Невероятный разброс температур.

– Плотно позавтракал? – спросил Макс. – Тебе придется сразу впрячься в работу. Мне-то ты сегодня не нужен, я сам закончу, что уже начал. А вот А. С. тебя ждет, пойдем. Но прежде всего возьмем то, что тебе понадобится.

Макс повел Юго в сторону Материнского корабля, через служебную дверь они прошли прямо в подвал. Там, по коридору из серого шлакоблока, освещенному зарешеченными светильниками, как в самых жутких подземельях, добрались до помещения, заставленного металлическими стеллажами со всевозможным оборудованием. Макс протянул Юго широкий пояс с карманами, петлями и прорезями, куда принялся засовывать разные инструменты, карабины и приспособления, назначения большинства которых Юго не знал. *Если в первый же день я не разберусь, что с этим делать, меня тут же вышвырнут на улицу...*

– Ты когда-нибудь пользовался бензопилой? – спросил его

начальник, показывая одну из этих штуковин величиной с ногу.

– Э-э... когда-то давно, – соврал Юго.

Макс передал ему пилу. Она оказалась не такой уж тяжелой. Потом подхватил пятилитровую канистру с бензином, и они направились к подъемникам, откуда прошли вдоль здания В к возвышавшимся над комплексом лесистым скалам. Юго старался ничего не упустить: вросшие в землю стальные столбы, кабели, похожие на поблескивающую под голубым небом серебряную проволоку, яркую зелень травы там, где зима раскинула свои покровы, ряд шале внизу и где-то вдали – башня. Ему хотелось рассмотреть все это, побродить по своему новому пристанищу. Он предвкушал что-то хорошее: днем все виделось в новом, обнадеживающем свете. И все же он испытывал легкое беспокойство. А вдруг он не справится? А что, если его уволят еще до конца недели?

Склон становился все круче, и Юго с трудом переводил дыхание. Он был довольно спортивным – чтобы сохранить форму в своем актерском ремесле, совершал регулярные пробежки и качал мышцы, – но все равно с трудом поспевал за Максом. *Еще несколько недель, организм привыкнет к высоте, и мне станет легче.*

– Ну-ка, приятель, не отставай! – крикнул Макс, ускоряя шаг, словно поддразнивая его.

Они двинулись дальше, миновали слева опушку хвойного леса, поднялись выше, оказались на плато и только тогда

вошли в еловый лес. С Юго градом катил пот. Он не обнаружил ни тропинок, ни впадин – ничего, никаких ориентиров, что, однако, не мешало старине Максу двигаться вперед, словно он точно знал, куда они идут. Он огибал низко нависшие ветки, пробирался сквозь заросли или раздвигал преграждавшие путь кусты. И вдруг, совершенно неожиданно, они оказались на краю света.

Земля исчезла из-под ног вместе с подлеском, они возвышались над миром, готовые взмыть в небо, а под их ногами раскинулся головокружительный пейзаж. Юго инстинктивно попятился. Перед ним не менее чем на полтора метра высилась обрывистая скала, а прямо под ней простирался Валь-Карьос со своими характерными исчезающими вдаль линиями, а затем и сама гора погружалась в тенистые истоки долины.

– А. С., познакомься, вот твой новый напарник, – сказал старина Макс.

Круглоголовый темноволосый мужчина лет сорока в таком же поясе, как у Юго, стоял возле ели, нависшей над пустотой. Он обернулся. Спортивное телосложение выдавало в нем человека, закаленного физическим трудом на свежем воздухе. На плохо выбритом лице не отразилось никаких эмоций. Юго отметил глубокую ямочку на его подбородке, широкие брови и открытый взгляд. Осмотрев Юго, тот нахмурился:

– Макс, а где его защитные ботинки?

Тот положил свою лапищу на плечо Юго:

– Значит, будет внимательнее! Ну, удачного вам дня.

После чего, не добавив ни слова, развернулся и ушел.

Знакомство состоялось быстро, и А. С. объяснил новому помощнику, что им предстоит срубить деревья, которые растут слишком близко к краю обрыва или могут упасть со временем. Стратегия заключалась в том, чтобы не допустить эти непредвиденные падения, особенно летом, когда регулярно случаются мощные ураганы. На сей раз Юго не стал врать, когда А. С. спросил его, умеет ли он пользоваться бензопилой. По протяжному и мягкому акценту он понял, что тот из местных, и не стал юлить. А. С. не поленился подробно объяснить ему, как нужно действовать: как активизировать пильную цепь и цепной тормоз, как использовать подходящие шины для обрезания ветвей и вырубki деревьев, какую занять при этом позицию. А заодно продемонстрировал удивительную сноровку, показав, как обращаться с инструментом. Юго впечатлил шум машины, свирепость, с которой пила вгрызалась в дерево и пожирала его с жадностью оголодавшего. Ему следовало всего лишь поднести лезвие к коре, и смертельная борозда прорезала ствол у самого основания, отбрасывая щепки и белую пыль. Бензопила пугала его: он представлял, как она выскальзывает у него из рук или как он теряет над ней контроль, и тогда одним движением она отсекает ему ногу или, издавая жуткий рев, вонзается в бедро, заливая кровью ошеломленного А. С. Проще не бывает.

Он отвлечется, неверно среагирует или просто поскользнется или споткнется о корни... Юго представлял себе ужасные травмы, он ничего не мог с собой поделаться, особенно когда зверюга в его руках начинала рычать, прежде чем впиться зубами в мягкую древесину.

К середине дня он почувствовал, что уже неплохо справляется с пилой, но совершенно выбился из сил, поскольку не привык к физическому труду. В ответ на срочный зов природы он отложил инструмент и собирался удалиться в подлесок.

Неожиданно чья-то рука схватила его за плечо.

– Туда нельзя, – сурово произнес А. С. – Иди в другую сторону.

– О'кей.

Развернувшись, Юго осмотрелся, пытаясь найти хоть какое-то объяснение этому запрету. Он не заметил среди растительности ничего примечательного, если не считать того, что заросли здесь были особенно густыми.

– А в чем дело? – спросил он.

А. С. отвел его подальше, старательно глядя под ноги, и наконец бросил:

– Это опасное место. Здесь можно запросто провалиться в засыпанные листьями норы сурков и вывихнуть ногу, к тому же скользко – наткнешься на обрывистый склон, сверзишься и сыграешь в ящик.

– Ну если так...

Юго облегчился и вернулся к работе, контролируя каждое свое движение. Их автоматическое повторение усыпляло его бдительность, и хотя теперь он обращался с пилой, как с игрушкой, она все еще пугала его. Малейшая неточность, потеря внимания или излишняя самоуверенность могут стать роковыми. И он снова представлял себе, как что-то пошло не так, и все последующие картины были чудовищней предыдущих.

Где-то совсем рядом А. С. окликнул его, и Юго обернулся, еще погруженный в свои размышления.

В облаке бензина пила вслед за ним совершила поворот, и лезвие вспоролو брюшную полость напарника, высвободив его внутренности, которые густой волной выплеснулись наружу.

Юго моргнул и тыльной стороной ладони стер с защитных очков опилки. Ни крови, ни вывалившихся кишок. Пора прекращать бредить. Он еще раз проверил цепь пилы, направление падения дерева, правильно расположенную шину и убедился, что А. С. находится в стороне от него и трудится над своей елкой. Когда дерево Юго падало в пропасть, он слышал, как при каждом ударе о склон оно трещит, ломает ветви об уступы и наконец разбивается на куски, и почувствовал себя почти виноватым. *Прости, дружище, действую по приказу.*

Внизу лежал безмятежный курортный комплекс, лишь из котла или трубы время от времени вырывался клуб дыма.

От подъемника в сторону круглой башни двигалась какая-то фигура. Может, Лили? пышная светлая копна волос, уверенная походка – очень похоже. А где же остальные? Где-то в двух огромных корпусах, которые тянутся к долине? Тот, что расположен справа от него, Б/У, как прозвала его Лили, казалось, отличается от своего брата-близнеца, хотя Юго не мог определить, чем именно...

– Перерыв? – предложил А. С., подходя к нему сзади.

Он приблизился бесшумно, и Юго едва не подскочил от испуга.

– Да... Я... Я сбросил здоровенное дерево вон туда, как ты мне показал.

– Отлично. Ты здорово справляешься. Большинство новичков боятся работать с бензопилой, особенно с такой гигантской, как у тебя.

Юго хотел было рассказать ему о том, что успел себе навоображать, но воздержался.

– Мне только кажется или эти два здания внизу не совсем одинаковые?

– Б/У на ремонте. Он больше непригоден для эксплуатации. Это пустая коробка. Работы должны были начаться еще год назад, но они отстают от графика. Его нельзя было использовать в сезон – представляешь, какой ущерб? Не знаю, что они там себе думают...

Теперь, когда Юго пригляделся, он заметил, что корпус не освещен, окна грязные, возле одного из входов свалены

пластиковые вентиляционные трубы, а неподалеку высится наполненный до краев мусорный контейнер.

– Это ведомство Деприжана? – спросил он.

– Думаю, да. Поговаривают, будто у них нет средств на капитальный ремонт. Не волнуйся, зарплату переводят аккуратно, если ты об этом. Первого числа каждого месяца, как часы, – уточнил А. С., протягивая новому коллеге фляжку.

– Спасибо, завтра прихвачу свою и надену защитные ботинки.

Сделав большой глоток, он вытер потный лоб.

– Ты местный? – спросил парижанин.

– А что, так видно?

– Слышно.

– Родился в долине. Все, что перед тобой, – моя вотчина.

– Ты всегда здесь вкалывал?

А. С. помедлил, любуясь предгорьями, и кивнул.

– Этот горный курорт – просто спасение для местных, – произнес он. – Это моя первая работа, я так на ней и остался.

– И зимой тоже?

– Конечно. Раз есть туристы, всегда есть и занятие. Слежу за склонами и снегоуборочными машинами вместе с другими парнями. Не работа, а мечта подростка.

Почувствовав, что разговор принимает нужный оборот, Юго указал направо, туда, где над лесом возвышалась башня усадьбы.

– Ты с ним знаком?

– С владельцем? А то нет – это он нанял меня на работу, когда мне было семнадцать.

Не изменились ни тон, ни выражение лица, заметил Юго. Похоже, упоминание о владельце не всех приводит в состояние нервозности, как уверяет Лили.

– Хороший мужик?

На этот раз А. С. помедлил с ответом. Он прикусил губу и перевел взгляд на особняк.

– Прежде мы частенько его видели, он спускался к комплексу, а теперь нет.

– Он что, вообще никогда оттуда не выходит?

А. С. снова замялся:

– Нет.

– А как же он питается?

– Кто-то доставляет ему все необходимое.

– Он очень старый?

– Теперь, думаю, уже совсем старик.

– А почему живет в такой изоляции? Странно...

Взгляд А. С. упал на бензопилу. Он пожал плечами. Юго попытался вызвать его на откровенность:

– Лили посоветовала мне не упоминать о нем. Говорит, это якобы всех нервирует.

А. С. нахмурился.

– Не знаю, кого это нервирует, – наконец ответил он, – просто... здесь все принадлежит ему, он все создал, а теперь мы его больше не видим, хотя сейчас это место как никогда

нуждается в подпитке, все разваливается, а он ничего не делает. Взять, к примеру, реконструкцию Б/У. Больше ждать было нельзя, Деприжан дал добро, а теперь деньги и вовсе не поступают.

Во взгляде, который А. С. бросил на Валь-Карьос, Юго заметил что-то среднее между любовью и ненавистью.

– Выходит, будущее лыжного курорта под угрозой? – спросил он.

– Возможно. Если его владелец ничего не предпримет.

– А почему он так себя ведет? Совсем поиздержался?

А. С. повернулся к нему, обвел взглядом окружающий лес и указал на трухлявый пенек от только что сваленного ими дерева. Лесоруб ткнул лезвием бензопилы в паутину плесени, которая протянулась по земле к другим хвойным деревьям.

– Иногда встречаются ели, которые гниют прямо на корню и, прежде чем погибнуть, стараются заразить другие деревья. Думаю, и у людей так же. Может, им спокойнее, если удастся утянуть за собой как можно больше народу. Чтобы умирать было не так скучно.

Юго наклонился над пустотой, чтобы получше рассмотреть усадьбу.

Он понимал горечь тех, для кого Валь-Карьос на протяжении многих лет был не только источником существования, но и домом. Чувствовать себя брошенным на произвол судьбы, бессильным что-либо предпринять, жить в полной неопределенности... Теперь Юго стало яснее, почему Лили

просила его избегать этих разговоров. В них не было ничего таинственного, ничего зловещего, просто они вызывали тревогу.

– Кто он на самом деле, этот владелец? Какой он?

А. С. мгновение смотрел на него в упор, затем поднял бензопилу.

– Хорошо болтать, мы теряем темп. Снеси-ка верхушку вон того дерева.

И, словно завершая дискуссию, орудие в руках А. С. грозно взревело.

7

Лезвие разрубило головку.

Очистив чеснок, Юго отломил зубчик и мелко нарезал его, пока закипала вода для макарон.

В суете первого дня он с утра не успел зайти в магазин, и Лили любезно собрала ему корзину с самым необходимым для ужина.

Это был его первый день, и он до сих пор не знал, как дотянет до конца, а мысль о том, чтобы подняться наверх, в свою квартиру, казалась просто невыносимой. У него болело все. Даже костяшки – он боялся, что на них появятся мозоли. Ломило плечи, руки задеревенели, ныли ягодицы и бедра. А хуже всего было со спиной. Он даже не мог себе представить,

в каком состоянии проснется завтра.

Однако это не помешало ему убажить свои вкусовые рецепторы и желудок. Юго всегда был гурманом, «старался быть в своей тарелке», как он острил. Хотя ему было лень каждый день готовить себе разносолы, он, однако, знал, что это безотказный способ упорядочить свои безумные фантазии и одновременно побаловать себя. Уже сама мысль о том, чтобы уделить время и позаботиться о себе, оказывала на него благотворное действие – это уже была половина дела. Не важно, устал он или нет, но в этот вечер он впервые за долгое время оказался у плиты.

Кухня, примыкавшая к столовой, была огромной. Промышленное помещение. Повсюду под ярким освещением сверкала нержавеющая сталь. Юго занимал совсем небольшое пространство и чувствовал себя одиноким в этом море плит, блестящих столешниц, зияющих вытяжек и выстроившихся в боевом порядке шкафов. Здесь, как и повсюду в Валь-Карьосе, царила суровая тишина и, казалось, усиливала все звуки: стук ножа о доску, кипение воды в кастрюле, и каждый раз, когда Юго покашливал, чтобы прочистить горло, он твердил себе, что скоро привыкнет к такой акустике. *Я не смогу выдержать парижской суеты, когда осенью вернусь домой!* Он не совсем был в этом уверен, но попытаться убедить себя не мешало.

На другом конце кухни открылась дверь, и Юго узнал Алису, надменную блондинку, которая сразу же ринулась к

первому холодильнику, вынула стеклянный контейнер с какой-то едой и ушла, не обратив на Юго никакого внимания. Он не знал, заметила ли она его вообще или нарочно проигнорировала.

В тот вечер он больше ни с кем не столкнулся в столовой. То ли было еще рано, то ли все предпочитали ужинать дома. А вот Юго было лень подниматься наверх: ему хотелось сесть и не двигаться, возможно, ближайшие лет десять или пятнадцать, прежде чем отважиться подняться хоть на одну ступеньку.

Он закончил готовить свое блюдо – лингвини с оливковым маслом, чесноком и тонко нарезанной вяленой говядиной – и, сбрызнув его лимонным соком, отнес в смежную столовую. Алиса в наушниках сидела неподалеку. *А ну-ка, рискну...*

Он жестом указал на стул, спрашивая, можно ли ему присоединиться к ней, на что Алиса утвердительно кивнула, вынув наушники.

- Не хочу прерыв...
- Это подкаст, могу послушать, когда захочу.
- Скажу честно, у меня нет привычки их слушать. Нужно бы попробовать.

Алиса охотно с ним согласилась:

- Учитывая, сколько месяцев тебе предстоит здесь проторчать, имеет полный смысл!

Она вернулась к своему салату из киноа, который ела пря-

мо из контейнера.

– Я видел, что в холодильнике полно твоих контейнеров, это очень разумно, надо бы и мне запастись, – сказал Юго, подыскивая тему для разговора.

– Эту привычку я переняла у других, когда приехала сюда, – тут бывают просто сумасшедшие дни, так что я решила по воскресеньям готовить впрок на всю неделю. Тратишь какое-то время, зато потом можно не суетиться.

– Хитро. А на ужин сюда обычно кто-нибудь ходит?

– По-разному. Иногда можно с кем-то столкнуться, даже со многими, а в другой день все ужинают по домам, раз на раз не приходится. Во всяком случае, так повелось с тех пор, как разъехались туристы.

– А как здесь было? Я имею в виду зимой.

– Мило.

Юго был удивлен отсутствием у нее всякого энтузиазма.

– И все? Скажи честно, если это отстой, тогда я еще успею смыться, пока не кончился испытательный срок! – сказал он притворно испуганным тоном.

– Да брось ты, все супер, никаких заморочек. Но я рада, что пахота закончилась. Я совсем выдохлась. Кручусь здесь с октября. Сезон был тяжелый, и, хотя здесь вот уже месяц тишина, я рада, что сменю обстановку.

– После семи месяцев! Могу себе представить.

– Просто в какой-то момент начинаешь ходить по кругу. Особенно сейчас, когда здесь пусто. Да и интернет практи-

чески везде отключили; я бы не взялась за эту работу, если бы связи не было весь сезон.

– Да, боюсь, что мне будет несладко.

– Антенну отсоединили в прошлом месяце, когда уехали последние туристы. Сети почти не осталось, а дерьмовый вайфай здесь и в Аквариуме – полный завал. Я не знаю, почему они это делают. Хотя вроде говорили, что из-за денег, а Деприжан ликует, что мы больше не засоряем себе мозги информацией!

– А... тебе платили, проблем не было?

Алиса наградила его слегка насмешливым взглядом:

– Ни единой задержки. Теперь я жду полного расчета и в следующую среду качу домой.

– А где твой дом?

– В Амьене.

– Не слишком гористая местность.

– У моих родителей был хороший социальный пакет от фирмы, и мы каждый год ездили кататься на лыжах в Альпы, так что мне горы не в диковинку.

– Вы ездили в Валь-Карьос?

– Нет, дальше на север, не в такие дикие места. Мне всегда нравились похожие пейзажи.

– Круто! Можешь сказать спасибо своим предкам.

– Они умерли.

Юго перестал жевать, вилка зависла в воздухе между тарелкой и ртом.

– О черт, прости. Просто я...

– Все в порядке, не волнуйся, я могу об этом говорить.

Мне повезло, с подросткового возраста меня вел психиатр. Отец разбился на мотоцикле, а мама последовала за ним, довела себя до рака желудка.

– Мои соболезнования.

– Я уже все переварила.

Юго оценил юмор и задумался, случайно ли она сострила.

В конце концов, эта Алиса ему нравилась. Вчера вечером она показалась ему несколько самодовольной, но теперь у него сложилось впечатление, что она прежде всего боец. Вблизи она выглядела не такой красивой: на лице рубцы от прыщей, слегка приплюснутый нос, но от нее исходило привлекательное лукавство, а улыбка делала ее очень обаятельной.

А ты сам, приятель, полагаешь, что так уж хороши при ближайшем рассмотрении? Вся физиономия в родинках, верхний клык торчит, бровь рассечена надвое после того, как ты навернулся с велосипеда на камень. Изображая своих персонажей, Юго всегда чувствовал себя немного виноватым, если портреты получались излишне натуралистичными или нелестными.

– А у тебя есть родители?

– Мать в Кане, но я с ней никогда не вижусь. Мы не очень близки.

– Поругались?

– Нет, не совсем. Просто я вырос в доме, где не больно-то разговаривали между собой, так что теперь, когда я уехал, продолжаю в том же духе.

– А отец?

– Я его не знал. Он был военным и свалил еще до того, как я научился ходить.

Алиса отложила вилку и откинулась на стуле.

– Ишь ты, веселенькие у нас предки!

Они в один голос рассмеялись.

– Мне кажется, если у тебя любящая семья, ты не станешь на несколько месяцев уединяться в горах, – заметил Юго.

– Ну я-то выбрала правильное время, когда тут было оживленно и много народу. А вот ты... Это настоящий мазохизм. У тебя, судя по всему, богатая внутренняя жизнь!

Юго усмехнулся, а затем спросил:

– А как тебе остальные?

Обдумывая, что сказать, Алиса сделала глубокий вдох:

– Если честно, я не так уж тесно с ними общалась. Зима была очень напряженной, мы вкалывали нон-стоп. Здесь у них явно не хватает персонала. Все занимались своими конкретными делами, мы постоянно сталкивались друг с другом... Директор классный, если только не в стрессе. Кто еще... Усатый тип, с которым ты будешь работать на пару, вечно молчит, так что не знаю, что он собой представляет. А. С. – высший класс! Он избегает шуток, просто не сечет юмора. Остальных не знаю, они приехали одновременно с тобой.

– А секретарша Деприжана? Симона из продуктовой лавки?

Алиса пожала плечами:

– Ничего не могу сказать, мы практически не общалась. Только «привет» или «спасибо». Дружелюбные, милые, вот и все.

– А Лили? У меня сложилось впечатление, что она – как танк, действует прямо и уверенно.

Алиса начала теревить ворот своего свитера.

– И вся такая искренняя, да? – вызываяще ухмыльнулась она.

Юго растерялся, он такого не ожидал. Алиса расхохоталась:

– Я просто над тобой смеюсь. Думаю, она не замужем, если именно это тебя интересует.

– Нет... Я не это имел в виду, – пробормотал он. – Просто хотел узнать, с кем мне тут предстоит жить все это время бок о бок, только и всего.

Алиса предостерегающе подняла указательный палец:

– Это точно, будешь тут жить, как под колпаком, я этого терпеть не могу, не знаю, как ты выдержишь.

Их голоса эхом разносились по столовой. Юго тоже отодвинул тарелку. За окном наступила ночь. *Так же быстро, как наваливаются неприятности.*

– Честно говоря, я не слишком об этом задумывался.

Юго чувствовал на себе пристальный взгляд девушки. Он

решил его выдержать. *Очень обаятельная.*

Зачем он сюда приехал? Приставать ко всему, что движется? Это на него не похоже. Особенно на *него нынешнего*. Лили кинулась к нему, едва он ступил на платформу, разбудила и растормошила его чувства, все еще задетые пощечиной, полученной почти три с половиной месяца назад. Вчера вечером он представлял себя наедине с Джиной, а теперь, выходит, настала очередь Алисы? Все три девушки – красотки, это факт. Ну и что с того? Он только начал приходить в себя после жестокого, сокрушительного разрыва, собирался *спрятаться* на краю света, и, выходит, первым же его побуждением было соблазнить ее? *До чего мерзко. Я человек. Я мужчина, во мне просыпаются инстинкты, а после того, через что я прошел, это хороший знак, разве не так? Смотреть и воображать не означает действовать.*

– Ты, наверное, совсем вымотался после первого дня? – спросила девушка, а он не понимал, как интерпретировать ее вопрос.

Что он себе придумал? Это всего лишь вежливое и логичное замечание, без всяких намеков. *Прекрати воспринимать все так, будто ты неотразим!*

Разрыв, безусловно, нанес ущерб его самооценке. Неужели ему еще вдобавок не хватает зрелости? Может, поэтому он так тяжело приходит в себя после расставания? Неужели он запутался в собственных эмоциях и желаниях, потерял уверенность в себе? Разве нормально, чтобы тридцатичеты-

рехлетний мужик впадал в подобные сомнения?

Юго сомневался, что даже позднее, лет в пятьдесят или шестьдесят, сможет спокойнее испытывать любовные страдания и мириться с уязвленным нарциссизмом. *Любовь – это первичное чувство, основа основ. Когда речь идет о любви, мы снова становимся детьми, ведь так?*

– Это еще слабо сказано, – услышал он свой ответ Алисе.

– Тебе бы сходить поплавать. Бассейн тут просто чудовой.

– Ты уже второй человек, кто говорит мне это за последние сутки.

– Для меня было таким кайфом отмокать в бассейне по вечерам, когда он закрыт для клиентов. Когда я совсем доходила, не могла шевельнуть ни рукой, ни ногой, я плавала сорок минут подряд и засыпала как младенец. Мне будет этого не хватать.

Когда она встала и пошла на кухню, чтобы вымыть посуду, Юго сделал усилие, чтобы не пялиться на нее. Рефлекс самца побуждал его проследить все изгибы ее тела, но слабый, почти неслышимый внутренний голос нашептывал, что не стоит этого делать. Это неуважительно. Он чувствовал себя по-идиотски – мучится, словно подросток, хотя уже давно вышел из этого возраста.

После убийственных слов, произнесенных Люси перед их разрывом, он словно потух. Его либидо растаяло, как мороженое на солнце. Прямо в пластиковой упаковке. Именно такой образ возник у него в голове. Многоцветный сок его

желаний напоминал жидкую радугу; когда-то это было прекрасно, а теперь превратилось в обыкновенную жижу.

Но с тех пор как он вышел из вагона, его тело стало просыпаться, насыщая его сознание навсегда исчезнувшими, как ему казалось, произвольными реакциями.

Жаль, что Алиса уезжает, они могли бы поладить. Стать друзьями, а может, и любовниками? *Нет, маловероятно.* Пять месяцев безо всяких физических или романтических отношений – многовато, но разве не это дорога к чистилищу, столь необходимому ему для возрождения? Нет, он не собирается снова попасться на эту удочку, а потому, убрав за собой, Юго отправился в корпус В, сосредоточившись на маршруте. Меньше всего ему хотелось снова заблудиться и орать во все горло, пока кто-нибудь не вызволит его из ловушки. *Да ладно, не стоит преувеличивать – это не лабиринт...*

Он дошел до поворота и увидел две двустворчатые двери, ведущие в два похожих коридора, – вот где он ошибся накануне, он перепутал главный коридор с его коварным двойником. *Его коварным двойником*, усмехнулся он. На сей раз он не дал себя перехитрить и, не доходя до большой лестницы, свернул в нужном направлении. Было очень соблазнительно подняться на лифте. *Не будь идиотом, Лили говорила тебе, что они не пользуются лифтами после конца сезона. Их два. Один исправный, другой нет. Я что, игрок?*

Юго покачал головой и, скорчив гримасу, ухватился за пе-

рила.

– Не сегодня, – вслух произнес он.

На третьем этаже Юго свернул направо и, пройдя по коридору мимо ниши, ведущей в пустую комнату, которую, вероятно, использовали для зимних мероприятий, добрался до своей квартиры.

Он шарил в кармане в поисках ключа, когда у него возникло ощущение, что он не один. Это было неразумно, он чувствовал себя полным идиотом, но волосы на голове вдруг зашевелились. Юго огляделся: выцветшее ковровое покрытие, чередой дверей, светильники на стене. Долгая, монотонная, утомительная для глаза перспектива. Никого. Только игра света и тени. *Это всего лишь небольшой сквозняк, расслабься.*

Юго понял, что не знает, живет ли еще кто-то в этом коридоре. Скорее всего, нет. Или дальше, за поворотом. А то и вообще, этажом ниже? Он вспомнил, что Лили сообщила ему, что можно врубать музыку на всю катушку или что-то в этом роде... И кто же? Кто может быть его ближайшим соседом?

Свет в коридоре загорелся автоматически, и таймер должен был сработать в любую минуту, погрузив все во тьму. В полной тишине он слышал только собственное немного учащенное дыхание. *Ладно тебе, прекрати.*

Потолок слегка скрипнул, и, чтобы убедить себя, что совершенно успокоился, Юго чересчур резко поднял голову.

Ничего.

– Если окажется, что здесь крысы, – прошептал он, – попрошу переселить меня в другое здание.

Юго наконец нащупал ключ, вошел в квартиру.

После недолгого колебания он запер дверь изнутри на два оборота. В тишине коридора беспорядочно гасли лампочки.

Потом в старых стенах засвистел ветер, и они заскрипели, как кости человека, который слишком заспался и теперь потягивается.

8

Об одном круге ада Данте забыл. О десятом.

О круге ломоты усталого тела.

Юго вошел в него, едва проснулся. Эта боль так прочно, так неистово приковала к себе его душу, что он готов был поверить, что это навсегда.

Он потащился в магазин, чтобы запастись продуктами и заодно поближе познакомиться с Симоной – Алиса мало что о ней рассказала: «здравствуй-спасибо-до свидания», разве что внешне та была грубовата, голова втянута в плечи, твердый, но ускользающий взгляд, на щеках угри. Юго, проглотив на ходу апельсиновый сок, со сдобной булочкой в кармане и завтраком в рюкзаке поспешил в подвал Материнского корабля, чтобы взять инструменты. Он потихоньку начинал

ориентироваться и испытывал определенную гордость.

На второй день А. С. уже предоставил ему самостоятельность, доверив ответственное задание. Юго должен был пойти на лесное плато и пометить аэрозолем все деревья, которые, по его мнению, необходимо срубить: больные, мертвые, гниющие, готовые упасть... Затем, прежде чем приступить к вырубке, А. С. должен был одобрить его выбор.

Чтобы избежать хождений вверх-вниз, Юго решил сразу забраться на гору и, перекинув бензопилу через плечо, отправился вверх по склону. Он двигался, стараясь не сбавлять темпа, как вдруг на самом верху одной из опор подъемника заметил какую-то фигуру. Он не был абсолютно уверен, но предположил, что это Людовик. Парень ловко тянул трос, пока тот не вырвался из колеса. На подъемниках уже не было ни кабинок, ни кресел, а скоро не будет и троса. *Что за идиотская работа... Каждую весну все снимать, потом проверять, а осенью устанавливать все заново.*

Людовик тоже заметил Юго и провожал его взглядом, пока тот не свернул в сторону плато. Парижанин не знал, пытается ли тот что-то сказать ему или просто проверяет, что он делает, потому что на таком большом расстоянии лица было не различить, а звуки не долетали, и это его слегка раздражало. Но, оказавшись среди хвойных деревьев, он об этом забыл.

Юго не умел ориентироваться в этих зарослях, как старина Макс, поэтому решил подобраться к ним по насыпи, ко-

торая постепенно переходила во все более высокий и отвесный уступ. Начинаящий лесоруб перешагивал через препятствия, огибал самые большие и старался не приближаться к краю тянущегося вверх обрывистого склона. Он вернулся на уже расчищенную накануне площадку, где бросил свое оборудование, включая пояс, и оставил себе только баллончик с краской.

А. С. велел ему продолжать работу, двигаясь по краю в направлении комплекса, – ничего сложного. Внизу в лучах майского солнца возвышалась колокольня, которую здесь называли Маяком, – убежище словно нанизанных на вертеле галок, ждущих малейшей возможности как следует подкрепиться. Обнесенная колоннами узкая площадка, будто небесный наблюдательный пункт, венчала купол в самой верхней его части, почти на одном уровне с Юго. Должно быть, вид оттуда был захватывающим, не заслоненный зданиями и уходящий глубоко в долину... *Надо бы спросить, можно ли туда попасть.*

Юго заметил, что не чувствует головокружения. Поначалу при приближении к пустоте ему становилось не по себе, но он быстро приспособился. Стоит только привыкнуть, и он тоже сможет забраться на один из пилонов или, если попросят, прогуляться по крышам.

Задумавшись, он не заметил, что ушел уже слишком далеко: Маяк остался у него за спиной. Инстинктивно он поднял голову и стал взглядом искать *ее*.

Скрытая среди листвы усадьба выдавала себя бревенчатой башней. Где-то наверху мелькнул голубой свет с оттенком зеленого и розового. *Неужели витраж? Как розетка в церкви?*

Это место интриговало его. Как и его обитатель. *Что это за человек?* – спрашивал себя Юго. Миллионер семидесятых, решивший вложить деньги в горнолыжный курорт и построивший для себя имение, расположенное выше всех остальных построек? *Не многовато ли амбиций?* Насколько он понял, теперь этот тип на мели. Стал ли он жертвой финансового кризиса? *Даже в те времена он не стал вкладываться, чтобы приспособить курорт к летнему сезону и поддерживать его эксплуатацию круглый год.* Выходит, удача изменила ему довольно давно. А может, он болен, если больше не хочет спускаться?

Юго заметил, что, в отличие от предыдущих дней, не видно окон. *Он закрыл все ставни. Он ушел из дома.* Он их бросает. С каких это пор капитан покидает корабль раньше команды? *Спокойно, мы не тонем...*

Хотя что мог Юго знать? Он просто надеялся, что первого числа следующего месяца зарплата поступит на его счет.

Повернув назад, он подумал, не находится ли он в той зоне, которой А. С. советовал избегать? Растительность здесь была гуще, чем в других местах, – дремучие заросли с ягодами и колючками, поросшая мхом неровная почва и очень низкие ветви. Вполне возможно, он оказался там. Нужно

развернуться, пройти вдоль края обрыва и постараться не оступиться – причин чего-либо опасаться у него нет.

В памяти всплыл вчерашний эпизод – как резко А. С. остановил его. Юго ощутил нечто более серьезное, чем простое предупреждение. *И это его беспокоило.* Нет, не так... *Это был страх?* Может, все-таки не совсем: что-то среднее, решил он.

Еще один взгляд – и он заметил беспорядочно свисающие серые лианы и множество склоненных хвойных деревьев со спутанными ветвями. Юго уже начинал различать их виды – А. С. учил его: ели, лиственницы, альпийские сосны; он запомнил их все и теперь гордился. Вроде пустяк, но для него важно все, что могло бы поднять его самооценку.

Он не осмелился осмотреть участок, чтобы отметить наиболее опасные стволы. *Главное – не переусердствовать. Он велел туда не соваться.*

В поле его зрения что-то медленно шевельнулось, и Юго сразу заметил это движение. Что-то вроде гирлянды... Чем дольше он смотрел, тем больше убеждался, что это не имеет отношения к природе. *Оно создано руками человека. Веревка и... кукольные головы?* Он совершенно не был уверен, но по позвоночнику пробежал холодок. *Что за хрень?*

Юго продирался сквозь заросли, пока не подошел к какой-то штуковине, которая едва заметно раскачивалась на ветру. Это и правда оказалась привязанная к ветке веревка. Но вот насчет кукольных голов он ошибся.

Вместо них через каждые двадцать сантиметров на веревку, образуя ожерелье из «жемчуга», были нанизаны черепа животных. Кто мог смастерить такую жуть?

Грязное волокно веревки истлело, а черепа от времени приобрели серый оттенок. Юго опознал три птичьих и, похоже, один беличий в середине. Гирлянда провисела здесь довольно долго. Может, несколько лет. *Или даже десятилетий?* Юго понятия не имел, он же не археолог, однако не удивился бы, если она появилась здесь еще до его рождения. Похоже, поблизости разгуливает какой-то псих.

Первым делом он подумал об А. С. Тот ведь говорил, что это его регион, а плато – его офис. У Юго тогда не возникло ни малейшего желания бродить рядом с А. С. по сосновой роще с бензопилой в руках...

Он сам предупредил меня, чтобы я сюда не заходил, но он... не успокоился.

Выражением лица его напарник не походил на психопата, который хочет сохранить свою тайну. Напротив.

Юго шумно сглотнул и подумал, что довольно нелепо так волноваться из-за какой-то старой поделки. *Я один-единешек среди богом забытого леса, затерянного в самой заднице мира, и никто, кроме А. С., не знает, где я, а вокруг мертвая тишина...* При этой мысли Юго напрягся. А ведь и правда. Здесь и тишина тоже какая-то странная. Не такая гнетущая, как в корпусах: Юго окружал какой-то природный шум, но он не различал ни птиц, ни шелеста листвы, ни тем более

отдаленных голосов, не ощущал ни малейшего присутствия человека на этом звуковом горизонте.

И тогда метрах в десяти от себя он увидел вторую гирлянду.

Она была длиннее первой, висела выше и была унижена большим количеством костей. После некоторого колебания Юго подошел поближе, соблюдая совет А. С.: избегать коварных нор, опасных для его ног; правда, никаких нор он не обнаружил. Повсюду лежали крупные и мелкие замшелые камни, вокруг которых росли деревья, порой обвивая корнями своих гостеприимных хозяев. *Если только это не ловушка...*

Веревка, которой были обмотаны мелкие косточки перепелного цвета, образуя длинный траурный амулет, выглядела такой же истрепанной, как и первая.

Здесь было гораздо темнее, лишь несколько золотистых лучей стремительно прорезали полумрак, в котором танцевали пылинки. Юго пришлось подождать, чтобы глаза привыкли к окружающей обстановке.

Запахи природы становились все острее. Насыщенный влагой перегной, пряная кора, маслянистый, почти сладкий древесный сок... И фоном – что-то еще, более органическое, подумал Юго. Почти раздражающее ноздри. По крайней мере, неприятное. *Не забывай, что, прежде чем стать парижанином, ты был нормандцем. Ты знаешь сельскую местность и...* Что за чушь, подумал Юго. Прежде чем попасть

в столицу, он рос в центре Кана. Запахи животных знакомы ему не больше, чем древнегреческий язык, и он не чувствовал себя как дома в лесной чаще.

Тем более когда вокруг творятся такие ужасы.

Гроздя крошечных косточек напоминали звезды или солнца, которые смерть обратила в окаменелости. Юго допнулся до одной. Холодная. Отполированная временем.

Растревожив растительность, проснулся ветерок, и вслед за ним эхом разнесся какой-то неясный звук. *Пок, пок, пок, пок, пок, пок...* Полые вогнутые формы сталкивались и перекликались, от этого разногласья Юго охватило страшное подозрение, и, насторожившись, он принялся озираться по сторонам.

Они были повсюду.

Зловещие гирлянды. А многочисленные черепа сталкивались между собой, издавая эту заунывную мелодию. Десятки мертвых животных. Их нанизанные на веревку скелеты производили невыносимую какофонию.

Приветствуя его.

Юго не глядя попятился и, споткнувшись о корень, похожий на когтистую лапу, едва не упал навзничь, но удержался, ухватившись за одну из веревок.

Нетронутого временем желтого цвета.

Даже нанизанные на нее останки грызунов сияли безупречной белизной.

Эта гирлянда была совсем свежей.

Собранная всего несколько дней назад.

А может, даже несколько часов.

9

В столовой слышался смех полудюжины людей.

Юго думал, что будет ужинать в одиночестве, но вместо этого обнаружил Лили, неразлучных Поло и Армана, татуированного Мерлена, Джину, сидящего в углу Эксхела, который участвовал в дискуссиях, не отрываясь от ноутбука, и даже, что самое удивительное, старину Макса, усы которого пускались в пляс, когда он пережевывал мясо.

Около Лили нашлось свободное место, и Юго сел справа от нее. Заметив, что он морщится от боли, Лили спросила:

– Ну как, терпимо?

Он кивнул.

– Так постигают ремесло, – сказал Макс.

– Эй, – окликнул его Поло, – а разве он не с тобой должен работать?

– Я передал его для обучения А. С., – пояснил тот. – Так он будет полностью подготовлен, когда мы начнем вкалывать на пару.

Лили стащила с подноса Юго кусочек хлеба.

– Каждое утро до открытия магазина Симона сама его печет. Неплохо, правда? Как прошел день?

– Нормально.

Ему не слишком хотелось вдаваться в подробности. Находка на плато на некоторое время совершенно выбила его из колеи. Так что он почти не притронулся к завтраку, который принес с собой. А. С. поинтересовался, все ли в порядке, и Юго ответил, что очень устал – не привык работать на свежем воздухе. Что было ложью лишь частично. Он, конечно, не думал, что гирлянды из костей мертвых животных дело рук садовника, но доверять ему не мог. Пока. Юго требовалось время, чтобы открыться, чтобы осмыслить. Потому что он не мог определить важность того, что увидел. Глупо, но еще больше его тревожило то, что он не сумел дать моральную оценку своей находке, понять, что это – нелепая мальчишечья фантазия или проявление извращенности сознания, свидетельство потенциальной опасности. Ведь есть же художники, прославившиеся подобными арт-объектами из органических отходов. Что отличает мрачное сознание творца от взбудораженного рассудка безумца?

Один вопрос не давал ему покоя с самого утра: использовал ли сотворивший эти гирлянды мастер кости мертвых животных или сам их убивал? Юго видел в этом колоссальное различие.

– Я прошелся по плато, – сказал он, наблюдая за реакцией Лили.

– Я весь день слышала визг бензопилы. Не могу отделаться от мысли, что мне очень жаль эти бедные деревья, кото-

рые ни о чем таком не просили.

Никакого особенного выражения лица: если девушка и знает о гирляндах, то либо хорошо скрывает, либо не придает этому значения.

– Большинство из них мертвые или больные, – пояснил Юго. – Мы просто оказываем услугу ельнику, помогаем ему дышать, а предотвращая самовольные падения деревьев, не даем им в один прекрасный день рухнуть с обрыва на жилые здания.

– Ты прав, Макс, – рассмеялся Поло, – А. С. его неплохо натренировал!

Юго отметил, что в его голосе прозвучала насмешка, но не злорадство, и предпочел промолчать. Дверь в кухню открылась, появилась Алиса и встала прямо перед ним.

– Привет. Приятного аппетита! – сказала она.

Она склонилась над одним из своих контейнеров и принялась поглощать салат из огурцов и других овощей.

– А ты чем занималась целый день? – спросил он Лили.

– В данный момент я показываю Джине здание Большого Б и все, что там нужно обновить.

– Да, есть чем заняться! – подтвердила та. – Почти каждая комната нуждается в модернизации.

– Макс, – сказала Лили, опираясь на плечо соседа, – надеюсь, ты одолжишь нам Юго на лето!

Он был не прочь бродить вместе с Лили и Джиной по бесконечным антресольным этажам Большого Б и подкру-

чивать шурупы, что-то пришивать, забивать гвозди или красить. Куда интереснее, чем, рискуя отхватить себе руку, распиливать бревна среди леса, в котором кто-то – тот, кто находится среди них, – оставил следы своего безумия.

Весь день Юго пытался вычислить, кто бы это мог быть. Иногда, орудуя бензопилой, он настолько терял концентрацию и выбирал такую неправильную позицию, что подвергал себя риску, а когда осознавал, какой опасности избежал, его бросало в холодный пот.

Вывод был несложен: учитывая древность некоторых гирлянд, повисевших там не одну зиму, их автором не мог быть кто-то из новеньких, что фактически исключало Алису, Джину, Людовика, Эксхела и Мерлена. Лили жила здесь постоянно только три года, так что это тоже противоречило его заключению. Он не стал вычеркивать имена Поло и Армана: те регулярно приезжают на сезонные работы и, возможно, на протяжении многих лет. Некоторые веревки, словно изъеденные десятилетиями, во многих местах истерлись и загрязнились, а кости потускнели от смены времен года.

Поло, вероятно, уже перевалило за шестьдесят, так что он вполне подходил. Арману с виду было около сорока пяти – он мог приехать сюда впервые по меньшей мере четверть века назад. Что ж, сходится.

Что касается Деприжана и Симоны, то Юго ни на секунду не удавалось представить себе, как они поднимаются на плато, продираются сквозь заросли, – ни их облик, ни возраст

не соответствовали склонности к подобным развлечениям.

А. С. произвел на него довольно сильное впечатление, когда уговаривал не ходить на плато: было очевидно, что он сам опасается этого места. Так что он тоже отпадает.

Остается старина Макс.

Юго пристально взгляделся в него. Тот жевал, шевеля усами и перекачивая челюстями, так некоторые покачивают задом при ходьбе. Среди морщин, в щели между веками совершенно терялся взгляд его прищуренных глаз. *Прочитать их выражение невозможно.* Он чем-то напоминал хорька. *Неужели он? Серьезно?* Юго с трудом в это верилось.

Остаются Поло или Арман.

Но еще одного он забыл.

Если он слишком стар или немощен, чтобы спускаться из своего шале, то каким образом и зачем ходит забавляться в лес?

Вот над чем бился Юго. Есть ли какой-то смысл в этих творениях? Может, это тайное послание, выражение особого намерения? Или просто болезненная фантазия?

На него упала тень – Эксхел наклонился и положил на стол листок бумаги.

– Пароль для вайфая, может пригодиться. Принимает только здесь. Для Аквариума такой же.

– Спасибо. А телефонная связь?

Лили ткнула пальцем в направлении одной из стен:

– Там стоит Башня – ну, ты знаешь, круглое здание с ост-

роконечной крышей за шале?

– Да, помню. Дискотека, зрительный зал...

– Иногда там можно поймать сеть, но, если погода плохая, чуда не жди.

– И все зависит от твоего оператора, – уточнила Алиса. – Ты привез книги? Потому что по вечерам ничего другого не остается.

– У меня с собой комп, я хотел бы снова начать писать.

– Роман?

– Да, если посетит вдохновение.

– Учитывая обстановку, будет что-то в стиле Стефана Кинга! – сострил Поло.

– Стивена Кинга, – тут же поправил его Арман. – Дремуций ты человек! Он же американец.

– Я прекрасно знаю, кто он, и даже читал, представь себе.

– Выходит, ты умеешь читать?

Поло угрожающе замахнулся ножом, что еще больше развеселило собеседника. От смеха на лице Макса, который не упустил ни слова из этой перепалки, появились еще две бездонные морщины.

Эти трое не похожи на фанатиков, которые охотятся на животных, чтобы разделать их и нанизать на веревку для всеобщего обозрения, размышлял Юго.

– Ты уже написал хотя бы один? – спросила Алиса.

– Его даже напечатали.

– Правда? Круто. В каком жанре?

– Но при таком уровне продаж это пустая трата бумаги. Наверное, у меня какая-то кармическая связь с убитыми напрасно деревьями, теперь мне так кажется. Роман вообще. Никакого специфического жанра, он не подпадает ни под какой жанр. Это еще называют «белой» литературой.

– Значит, среди книг тоже существует сегрегация?

– Не понял...

– Существует ли «черная» литература?

– Да, бывают черные романы – нуары, триллеры...

– В наше время звучит довольно некорректно.

Не зная, как ответить, Юго уткнулся в свою тарелку, но Алиса вернулась к теме разговора:

– Ты там рассказываешь о своей жизни?

– Не о своей, а о жизни одного типа, которого я выдумал, чтобы рассказать о воображаемой части собственной жизни.

– А секс там есть?

Алиса была не только шокирующе раскованна, но и смотрела на него сверкающим взглядом, который будоражил Юго.

– Да, немного.

– Мне кажется, об авторе можно судить только по тому, как он описывает сцены траханья, – не унималась Алиса. – По ним сразу можно уловить, хорош ли он, оригинален ли и есть ли у него свой особый стиль, или просто можно сдохнуть со скуки.

– Никогда даже в голову не приходило, – признался Юго. – Подумаю в следующий раз, постараюсь в любовной сцене выложиться по полной.

Арман не мог удержаться и влез с похабными комментариями. Юго подождал, пока все успокоится, и спросил:

– А остальные когда-нибудь бывают здесь, чтобы поесть? Директор, например?

– Нет, они с Адель едят дома, – сообщила Лили.

Присутствующие понимающе переглянулись, а у Юго возникло подозрение:

– Они что, живут вместе?

Макс кивнул:

– Муж и жена.

– О'кей. Полезно быть в курсе. А есть еще пары – разумеется, кроме Поло и Армана?

– Вот дотошный! – выпалил электрик, более молодой из двоих.

Поло рассмеялся:

– Быстро новичок врубился.

– Здесь только закоренелые холостяки, которые этим гордятся, – наконец ответила Лили. – По крайней мере, насколько я знаю.

– И вы никогда не устраиваете общих пьянок?

Лили порылась в памяти, чтобы не сморозить какую-нибудь глупость, а Макс покачал головой.

– Деприжан предпочитает изредка устраивать «маленькие

коктейльные вечеринки», как он их называет, вроде той, что была по случаю твоего приезда, — ответила инструктор по лыжам.

Между администрацией и остальными явно существует разлад, отметил Юго. Жизнь в небольшом коллективе требует минимальных социальных навыков, и, чтобы никого не посорить, следует быть в курсе отношений между участниками. Он пообещал себе быть внимательнее.

Покончив с ужином, он сделал себе кофе без кофеина. Эта привычка помогала ему завершать трапезу и избегать переедания. Ему удавалось не набирать лишний вес благодаря множеству подобных трюков. С кружкой в руке он прошел через все здание В к скамейке на пути к подъемникам. Подняв воротник и любуясь звездами, которые на этом небосклоне были даже заметнее и ярче, чем в его родной Нормандии, он потягивал кофе. Машина времени, о которой так долго грезил люди, существовала всегда, прямо над их головами. Достаточно выбрать какую-то из звезд и смотреть на нее, и тогда ее свет переносит на много лет, а иногда даже на много столетий назад. Юго слышал, что ближайшая звезда находится в двух световых годах от Земли. Значит, то, что он видит, когда смотрит на нее сейчас, она излучала два года назад, и ее свету потребовалось все это время, чтобы пересечь астральную пустоту и достичь его глаз. Ни одна из звезд не сияла на небосклоне непосредственно перед ним. Только в космическом воспроизведении. И временная задержка

иногда бывала астрономической...

С тех пор как человек впервые ступил на эту планету, все, что он видит, не соответствует действительности. Это крупная космическая манипуляция, а мы – ее жертвы. Может, начать с этой фразы свой новый роман? Текст об обманчивости того, что мы видим? Возможно... Иногда стоит надолго отвлечься от своих мыслей, чтобы возникло что-то интересное. А уж сколько книжных шкафов можно было бы наполнить при помощи кладбищ нереализованных идей!

Он машинально взглянул в сторону усадьбы в горах и поморщился от мелькнувшего там света.

Значит, ты все-таки не ушел, капитан, бросивший свой корабль?

Короткий вздох, раздавшийся у него за спиной, заставил его обернуться. Лили оперлась ладонями на спинку скамьи.

– Люциен Страфа, – вполголоса проговорила она. – Того, кто живет наверху, зовут Люциен Страфа, и полагаю, ты прекрасно знаешь, о ком идет речь, верно?

10

Юго понятия не имел, кто такой Люциен Страфа. Ни малейшего проблеска в памяти, ничего, что могло бы таиться где-то в складках коры головного мозга, но, видя очевидность информации, продемонстрированную Лили, он казал-

ся себе глупцом, не решающимся признаться в своем невежестве.

– А я должен знать? – спросил он наконец.

Лили не выказала осуждения, но и никак не прореагировала.

– Имя Гудини тебе что-то говорит?

– Фокусник, который жил лет сто назад?¹⁵

Уф, по крайней мере, хоть это он знал.

– Гудини произвел революцию в иллюзионизме и долгое время считался непревзойденным. До тех пор, пока не появился Страфа.

– Увы, мне это имя неизвестно.

Лили присела на скамейку рядом с ним:

– Мы с тобой даже еще не родились, а его имя уже стало легендой. Семидесятые годы, период его славы. Билеты на его выступления раскупались мгновенно, стоило им поступить в продажу, а ведь интернета тогда не было и нужно было постоянно знать, где он выступает, перемещаться с места на место... Он гастролировал сперва по Европе, потом по всему миру. Лас-Вегас предлагал ему гигантские гонорары, сулил золотые горы за постоянный контракт, но он отказался.

Юго махнул рукой с еще теплой кружкой в сторону комплекса:

– Может, ему стоило согласиться?

¹⁵ Гарри Гудини (Эрик Вайс, 1874–1926) – великий американский иллюзионист, филантроп и актер, известный технически сложными трюками.

– Деньги никогда не были для него самоцелью, но, судя по тому, что я читала, он мог бы стать невероятно богатым, если бы захотел, это уму непостижимо.

– Дай угадаю: он делал это из «любви к искусству»? – изобразив в воздухе кавычки, сострил Юго.

Лили помолчала.

– Думаю, не без этого. Если Гудини поражал зрителей современными постановками и трюками с использованием новейших технологий, то Страфа ошеломлял тем, что совершал непостижимое. Все: пресса, конкуренты и даже ученые – безуспешно пытались объяснить феномен Страфа.

– погоди, ты хочешь сказать, что это были не трюки фокусника, а *подлинная* магия? – рассмеялся Юго, который пребывал в игривом настроении.

По правде говоря, он был разочарован. Он-то надеялся, что владелец поместья – незнакомец, чье имя никому не известно, или некто без возраста, родившийся так давно, что это просто нереально... Вместо этого ему подсунали какого-то таинственного шоумена. Он ожидал большего.

– Можешь смеяться, сколько тебе угодно: ты хотел знать, кто он, а я просто хотела удовлетворить твое любопытство.

Понимая, что своими насмешками обижает ее, Юго взял себя в руки:

– Извини, я слушаю.

Снова молчание. Юго не отставал, теперь ему было интересно:

– Итак, он прославился благодаря своей изобретательности.

– Нет, гораздо круче. Прошло уже сорок лет, а мы так и не знаем, как он это делал.

– Разве не в этом сила иллюзиониста? Хранить свои секреты?

– Только вот трюки других фокусников в итоге разгадывают, копируют, порой совершенствуют. Но только не его. Даже сегодня он остается абсолютным эталоном, загадкой, почти табу.

– Неужели?

Лили пожала плечами:

– То, что он творил на сцене, пугало людей, они не могли смириться с тем, что такое возможно. Он построил на этом свою репутацию, одна из его афиш огромными буквами сообщала: «Зрелище невозможного исторгнет из вас вопль изумления». Согласись, звучит весьма старомодно, но это был его фирменный знак. Эта афиша висит в одном из кабинетов дирекции, – думаю, уже много лет. Деприжан унаследовал ее от самого Страфа.

Юго наблюдал за молодой женщиной, увлеченный рассказом:

– Он завораживает тебя, ведь так?

Она, не смутившись, кивнула:

– Поначалу, когда мне сказали, будто он – *главное открытие* года, я вообще не врубилась... Потом залезла в интер-

нет. И мне просто снесло крышу, это правда. Он был легендой. И до сих пор ею остается. Его трюки были невероятно зрелищными.

Даже в полумраке Юго различал, как блестят ее глаза.

– Ты бы хотела его увидеть?

– На сцене? Да, все бы за это отдала. Нет ни единого видео, никаких звукозаписей, ничего. Страфа бдительно следил за этим. Его искусство жило только в нем, и тем хуже для остальных. Я прочитала кучу статей. Свидетельства, поклонники, которые частично рассказывали о том, что они видели... Все были ошеломлены. Сам он почти не давал интервью, но, если поискать, можно найти очень ценную информацию. Кстати, знаешь, не было ни одного представления, чтобы кому-нибудь не стало плохо. Каждый вечер из зала обязательно выводили хотя бы одного зрителя. Можешь представить себе масштаб явления, при котором присутствовали зрители.

– Наверное, я невежда, раз никогда прежде о нем не слышал.

Лили похлопала Юго по бедру, отчего тот глупо сглотнул.

– Да нет тут ничего удивительного, его имя стало мифом, но его успех и по сей день волнует мир.

– Ему просто завидуют...

– Может, и так. Он вызывает много недоверия. Если почитать комментарии современных фокусников, все они избегают этой темы или чувствуют себя не в своей тарелке. Недав-

но его даже исключили из учебников по истории магии, потому что они его боятся.

Незаметно для себя Юго втянулся в разговор:

– Потому что им не достичь его уровня? Обидно.

– Потому что он их пугает, – сказала Лили.

Она сделала небольшую паузу, и оба посмотрели на ярко освещенное поместье на вершине холма.

– О нем ходят слухи, – добавила она. – Говорят, что он не иллюзионист. Что он зашел гораздо дальше. Слишком далеко.

– Что значит «слишком далеко»? Мы вернулись к магии? Так называемой подлинной?

Лили рассмеялась. Мелодичным, глубоким, почти детским смехом.

– В чем дело? – спросил Юго.

– Видел бы ты сейчас свою физиономию!

– Ты рассказала эту историю, чтобы поиздеваться надо мной?

Лили дала себе время успокоиться и все еще веселым голосом изрекла:

– Сначала ты смеешься, а через минуту у тебя бегут мурашки по коже, потому что ты полностью поверил!

Юго досадливо хмыкнул:

– Да уж, мудрёно...

– Ладно тебе, расслабься, немного самоиронии никому не повредит.

Юго был задет за живое, что его так легко одурачили.

– В итоге твоя история мне понравилась, только и всего...

– То, что я тебе сказала, – правда, – добавила Лили, вновь становясь серьезной. – Клянусь.

– А как же...

– Я не шучу, это правда. Можешь проверить.

Юго не знал, стоит ли ему полагаться на ее слово, или она снова пытается его надуть.

– Прости, – искренне извинилась она, – я не хотела тебя обидеть.

Он понял, что ведет себя как обидчивый мальчишка, и ему стало неловко:

– Ну и в какой же момент ты перестала вешать мне лапшу на уши?

В полумраке она покачала головой:

– Я же сказала: это чистая правда. Даже его исчезновение.

– Страфа взял и испарился прямо со сцены? – скептически уточнил Юго.

– Нет, он завершил свои последние гастроли, а потом объявил, что уходит на покой и больше никто никогда его не увидит. Никаких объяснений, только пресс-релиз, а на следующий день никто уже не знал, где он и почему все бросил. Все было кончено.

Юго все еще сомневался. Теперь ему было трудно поверить в эту запутанную историю о гениальном фокуснике, который сеял ужас среди зрителей, а потом внезапно отказался

от блистательной карьеры, чтобы до конца своих дней спрятаться в Альпах.

– Но почему именно горнолыжный курорт? – спросил он, как бы проверяя Лили. – Если бы он хотел тишины и покоя, то выбрал бы уединенное шале, вдали от всего.

Лили повернулась в сторону поместья в лесу над Валь-Карьосом, которое выдавали только огни в темноте.

– Так ведь именно так он и поступил. Земли вокруг принадлежали ему, бизнес, вероятно, все это время обеспечивал безбедное существование, не требуя от него никаких усилий. Там, наверху, он живет в полном покое. Туристы, которые уже много лет приезжают сюда, не имеют ни малейшего представления о том, кто живет в усадьбе; впрочем, им все равно, лишь бы кататься за приемлемые деньги, в семейной обстановке и без толчеи. Страфа обрел полный душевный покой, а курорт финансирует его затворническую жизнь.

Но не слишком щедро, подумал Юго, вспомнив, что ремонт Б/У приостановлен из-за отсутствия средств. Если Страфа вложил все свое состояние в его приобретение, а потом отказался от партнерства, от права обратного выкупа или права вступать в объединения, чтобы иметь доступ к средствам, требуемым для модернизации Валь-Карьоса, то, видимо, лишь ради того, чтобы сохранить анонимность.

Вдруг ему в голову пришла другая мысль...

– Но если курорт так и не был обустроен, чтобы принимать людей летом, то дело не только в бабках? Значит, это

он так хочет.

Лили в недоумении развела руками:

– Так говорят или, по крайней мере, думают старожилы. Поступлений от зимнего сезона хватает, чтобы оплачивать счета, а у Страфа никогда не было ни малейших амбиций в отношении Валь-Карьоса – это только средство к существованию.

Юго уловил нотку горечи в ее голосе.

– И вы вините его за это?

– Не думаю, что мы имеем право.

– Но, действуя таким образом, он думает только о себе. Будущее курорта его не волнует, он ничего не планирует, а поскольку он уже немолод... Что станет с Валь-Карьосом, когда он умрет?

Лили кивнула, соглашаясь:

– Ты все подытожил.

– Эгоистичный ублюдок.

Лили повернулась к нему:

– Насколько мне известно, он никому ничего не обещал. Все это делается только для того, чтобы обеспечить ему существование. Наша работа и эти бараки не рассчитаны на то, чтобы пережить его.

– Это то, чего он хочет? После меня хоть потоп?

– По крайней мере, так он себя ведет. А сейчас стало еще хуже...

Юго не сводил взгляда с едва различимых в ночи очер-

таний поместья. Огромные окна по-прежнему излучали яркий свет, Юго предположил, что это гостиная, по-видимому такая же огромная, как вестибюль многоквартирного дома. А хаотичное движение внутри наводило на мысль о чем-то присутствии.

Юго никак не решался рассказать Лили про свою мрачную находку на плато. Ему полегчало бы – ведь, если поделиться тайной, она станет не такой странной. Но он сдержался. Говорить не хотелось. Ему нужно было почувствовать себя увереннее в общении с девушкой, и он предпочел вернуться к занимавшей их теме:

– Страфа так и не объяснил, почему он тогда покинул сцену?

– Нет. Как не объяснил и то, почему больше не спускается сюда. Страфа – человек-загадка.

– Сколько времени вы его уже не видели?

– За три года я встретила его только один раз, вскоре после приезда.

– Как он выглядит?

Лили задумалась, тщательно подбирая слова.

– Как если бы ты вставил мощный современный прожектор в очень старый маяк. Оболочка изношенная, но есть в нем что-то впечатляющее, особенно это чувствуется в его взгляде. Я никогда не забуду выражения его глаз. Они как будто входят в тебя и... – Она замаялась. – В каком-то смысле мне кажется, что они теперь там и останутся навсегда.

Она постучала указательным пальцем по виску.

– Очень яркое воспоминание, – добавила она.

Через мгновение Лили положила руку Юго на плечо:

– Это ни для кого не секрет, но я была бы благодарна, если бы ты не обсуждал с остальными то, что узнал.

– А что, разве не все в курсе о существовании Страфа?

– Новички, конечно, нет, а что касается Армана и Поло, то, честно говоря, поручиться не могу. Они уже очень давно приезжают сюда каждое лето или почти каждое, и вполне возможно, что как-то вечером, в подпитии, старина Макс о чем-то проболтался... Но что касается Деприжана и его секретарши Адель или Симоны, то для них курорт – это все, они здесь уже давно, а Страфа – довольно щекотливая тема.

– Они любят друг друга?

И снова Лили тщательно обдумала свой ответ:

– Как пара со стажем, они скорее любят друг друга, чем ненавидят, но оба эти чувства, вероятно, сосуществуют. Все постоянно меняется, и даже у них уже нет права на посещение поместья. Мне кажется, вот уже лет десять, как Страфа все больше и больше замыкается в себе. Сегодня он уже стал настоящим призраком.

Юго посмотрел на россыпь звезд над головой, затем на очертания поместья. Их окружали огни прошлого. Ничто вокруг не было ни настоящим, ни сиюминутным. Он снова разглядел в поместье окруженный дрожащим ореолом света смутный силуэт.

– Призрак наблюдает за нами, – произнес он странно растерянным голосом.

11

Воскресенье было общим выходным. Юго подумал, что не успел он приехать, как уже получил день отдыха, и это оказалось спасительным для его организма. Он не знал, сможет ли вскарабкаться на плато и еще раз поднять эту чертову бензопилу, или какая-то часть его тела просто откажется ему повиноваться. Мышечный бунт, только и всего.

А еще был страх вернуться туда, зная, что скрывает в себе этот лес. Юго начинал постепенно привыкать не столько к мысли о том, что автор гирлянд находится среди них, сколько к мерзости самого факта.

На второй день боли усилились. Юго слышал, что ломота в мышцах связана с молочной кислотой, хотя и не был в этом до конца уверен, но, поднявшись с постели, готов был поспорить на свою месячную зарплату, что с ним что-то случилось и что его внутренности разъедает не молочная кислота, а серная.

Впервые он завтракал в своей квартире, наполнив ее запахом кофе. Он устроился на угловом диване, чтобы любоваться видом на поросшую травой эспланаду между зданиями В и Г. Чуть ниже, заслоняя вид на долину, выступала часть Ма-

теринского корабля. Но по другую сторону щетинилась далекая, почти неразличимая гора, словно из лоскутов, собранная из изумрудных лугов и покрытых облачками лесов, местами пронизанных серовато-коричневыми пиками или выступами, словно какое-то гигантское существо, заключенное в ее чреве, рвалось на свободу в масштабах геологического времени, нанося удары до тех пор, пока не рухнет темница неровных пригорков и возвышенностей.

Однако не это пленительное зрелище возбуждало молодого человека. Сквозь пар, поднимающийся от кружки, Юго разглядел над корпусом Г расположенное выше по склону и зажатое двумя узкими скалами логово Люциена Страфа.

История, рассказанная Лили, почти всю ночь не давала ему спать. Чем больше он думал об услышанном, тем более гротескным или, по крайней мере, преувеличенным все это ему казалась.

В полночь, не в силах заснуть из-за боли, он собрался было встать, чтобы провести на компьютере собственное исследование, но мысль о том, что, для того чтобы подключиться к интернету в столовой, нужно пройти по всем коридорам, пересилила его любопытство.

Поместье безо всяких признаков жизни средь бела дня только добавило новые вопросы. Неужели Страфа живет там совершенно один? Без какой-либо помощи?

Старясь разглядеть вдали неразличимую отсюда деталь, он так подался вперед, что коснулся стекла кончиком носа.

Он не был уверен, но...

Мешало запотевшее окно.

Юго достал телефон и с помощью камеры максимально увеличил изображение поместья. Стены из толстых деревянных бревен делали дом почти неотличимым от окружающей природы, но архитектура соответствовала представлениям о вилле звезды шоу-бизнеса. *Сколько комнат?* Многовато для одного человека.

Юго присмотрелся внимательнее и кивнул в подтверждение собственных мыслей. Он все правильно разглядел. *Ставни снова закрыты. А ты никуда не ушел, меня больше не надуешь. Ведушь ночной образ жизни?*

Чем дальше в лес...

Юго задумался о возможной связи между взобравшимся на холм таинственным персонажем и гирляндами на плато. Не его ли это рук дело? С какой целью? Как дань уважения? Или подношение? И тогда снова возникает вопрос: кто же их автор?

Юго знал, что уже не остановится, надо продолжать поиски.

Когда он разогнулся, плечи и поясница так болели, что он подумал, что прежде всего следует позаботиться о собственном теле. Сложил в рюкзак все необходимое и вышел.

Он снова чуть не заблудился и проклинал запутанную архитектуру здания, принцип которой так и не мог осилить. Он уже много раз ходил по этому маршруту и знал, как от сво-

ей квартиры добраться до главного выхода, но перед ним постоянно возникало какое-то новое препятствие. То неожиданный поворот, то незнакомый угол, то необходимость выбрать между двумя дверями, которых он раньше не замечал... Все было непросто. Казалось, что здание что-то замышляет против него или что каждый раз он должен заслужить право пройти этот путь, что сам дом играет со своими гостями в прятки. Совершенно понятно, что центральный коридор представляет собой прямую линию между точками А и Б, это очевидно. Однако на самом деле эту ось пересекали какие-то перегородки или она асимметрично уходила в сторону, и каждое новое отклонение оказывалось хитроумнее предыдущего – требовалось потешить чудовище во всей его ширине и изобилии комнат, боковых галерей-балконов, трехступенчатых лестниц, а иногда и широких шахт, разверзающихся на всю глубину на соответствующих этажах. Юго был убежден, что архитектор комплекса – совершенный безумец. Извращенец, которому в детстве, должно быть, нравилось наблюдать за несчастными муравьями, мечущимися в лабиринте из картона, откуда, конечно же, не было выхода. А позднее этот тип просто в полном масштабе воспроизвел для взрослых творение своего искаженного сознания, да еще и получил за это приличное вознаграждение.

К счастью, ориентироваться на Материнском корабле Юго показалось проще: он прошел через гигантский зал, опоясанный галереями, выходившей на Аквариум, но вместо

того чтобы подняться по массивной лестнице, спустился по ней. Латунные таблички, как хлебные крошки для Мальчика-с-пальчика, повели Юго в направлении спа, и вскоре ему осталось только пройти к раздевалкам и переодеться. Здесь к отдаленному гулу вентиляции добавился механический рев систем водоснабжения и отопления, который нарушал полную тишину остальной части комплекса. Этот фоновый шум подействовал на Юго успокаивающе.

Он вошел в помещение бассейна, и у него перехватило дыхание.

Большая часть стен состояла из толстого, идеально прозрачного стекла, через которое открывался изумительный альпийский пейзаж. Дальний край бассейна упирался как раз в такое панорамное окно, позволявшее пловцу видеть, что происходит снаружи и оставаться видимым оттуда самому, даже погрузившись на дно.

Юго бросил полотенце на пластиковый стул и медленно вошел в прохладную воду. Тело воспротивилось первым несколькими шагам, но потом отдалось прикосновению воды и не слишком большому напряжению сил.

Достигнув противоположного края бассейна, Юго уперся руками в стекло, опустил лицо в тепловатую воду и задержал дыхание. Пейзаж гипнотизировал его. *Как, наверное, и всех, кто побывал здесь до меня.* Юго придумал для себя мир, который питается эмоциями. В таком месте, как это, природа сама предлагает деликатесы на любой вкус; достаточно толь-

ко привлечь сюда постоянный приток пловцов.

Не уверен, смогу ли я реализовать этот замысел и превратить его в роман. А жаль...

Юго высунул нос на поверхность воды, чтобы сделать вдох.

Теперь он понял, почему Лили и Алиса советовали ему пойти в бассейн. И еще одна мысль пришла ему в голову: он бы с удовольствием побарахтался здесь с кем-нибудь из них. По позвоночнику пробежало что-то похожее на волнение, но его тут же омрачило облачко вины.

Они обе красотки, почему я должен запрещать себе думать об этом, иначе говоря, допускать мысль, что они могут мне понравиться?

Потому что он недавно расстался со своей девушкой? Потому что этот разрыв вымотал его, поколебал его основные жизненные принципы? Да, это так. *Но прошло уже три месяца. Даже больше... Скоро четыре.* Он подтасовывал цифры, добавляя по крайней мере лишние две недели, что во внезапном порыве искренности заставило его признать, что он ищет оправдания. На самом деле все было очень просто: инстинкты пробуждались, постепенно восстанавливалась способность рассуждать, по крайней мере настолько, чтобы снова позволить проявиться его «я». Он умирал от желания ощутить рядом с собой чье-то тело, обладать им, отдаваться ему, получать, дарить, чувствовать... При этих словах в душу закралось сомнение, оттенок опасения: может,

он еще не готов? Физическое тепло, близость, наслаждение – да, но сам акт требовал минимальной уверенности в себе. Обрел ли он ее снова? Кроме Люси, он не занимался любовью ни с одной женщиной, вот уже... семь лет. *Восемь, по сути, я даже не помню, как звали ту, что была перед ней.* В мимолетном проблеске сознания возникла готовая вот-вот упасть сигарета в уголке рта. *Беренис.* Когда он склеил эту девушку, у ее губ был привкус персика, потому он и запомнил тот вечер. Секс на одну ночь. *Надежда.* Она быстро угасла. Он прекрасно помнил отвращение, которое испытывал на следующее утро. Его раздражал ее запах, ее тело, которое показалось ему слишком белым, слишком большие ареолы вокруг сосков – все в ней претило ему. *Утренняя сигарета, которой она вяло затянулась, даже не взглянув на меня.* Может, сегодня по тем же самым причинам ее любит другой мужчина. Но не он. И он не знал почему. Больше они никогда не виделись.

Почувствовав, что может свободно двигаться на глубине, он закончил заплывы и, на сей раз не заплутав, вернулся к себе в квартиру, где принял обжигающий душ.

Вскоре после полудня Юго перекусил в обществе половины команды, вернулся на Материнский корабль, теперь уже по верхним этажам, и расположился в Аквариуме, где в зимние месяцы собирались туристы, желающие почитать или пообщаться в приятной атмосфере.

Вот только сейчас в этом огромном помещении Юго вдруг

почувствовал себя совсем маленьким, пятилетним ребенком в рубашке своего отца-толстяка. Пока он не ступил на пушистый ковер, шаги гулко отдавались на паркетном полу, возвещающая о его появлении.

В одном из двух каминов потрескивало пламя, хотя, кроме него, никого в комнате не было. Внимательно осмотрев все диваны и укромные уголки и не заметив ничьего присутствия, Юго пожал плечами и устроился поближе к камину на кушетке, где лежала груда подушек. Из окна открывался примерно такой же изумительный вид, как из бассейна, только с более высокой точки, и ему пришлось сделать усилие, чтобы оторваться от него и наконец открыть ноутбук. Скорость вайфая недотягивала до скорости оптоволокну, но для него оказалась вполне достаточной. Он хрустнул пальцами и начал.

Люциен Страфа, это касается нас двоих.

12

Юго набрал в «Гугле» «Люциен Страфа» и был поражен количеством ссылок. Лили не обманула его: этот человек не только существовал, но и был более знаменит, чем многие дешевые старлетки современного виртуального мира. О нем даже была статья в «Википедии» – святом Граале цифрового распознавания. Прежде чем прочитать ее, Юго захотел

взглянуть на фотографии. Нажав на «изображения», он увидел, что их не так уж и много. На экране появилось около пятнадцати снимков, большинство сделано без ведома Страфа – на улице, в театре или у двери дома, куда спешил войти фокусник. Они были старыми, с характерным для фото-пленки размытым изображением при движении.

На них Страфа около тридцати, темноволосый, с впалыми щеками и кустистыми бровями под широким лбом. Его взгляд, как заметила Лили, забыть невозможно. Мрачный. Пронизывающий до костей. На редких кадрах, когда он смотрел в объектив, его зрачки буквально *входят* в камеру, сознательно запечатляя себя на пленке, – такой взгляд невозможно поймать, он сам притягивает к себе. Пронзает того, кто встречается с ним. Это не поединок сил, а отношения явного подчинения. Стоило столкнуться с этим взглядом, и ты ему повиновался, сказал себе Юго не без оттенка восхищения.

Фон на фотографиях никогда не повторялся, как и редкие люди, попавшие в кадр вместе со Страфа. За исключением двух снимков. На обоих Юго заметил на заднем плане одного и того же человека, который шел следом за магом. Достаточно молодой – еще нет тридцати. Стройный, в объектив не смотрит. Удивительно стандартная внешность, но больше Юго его нигде не видел. *Его агент.*

На всех фотографиях Страфа изображен в одном и том же возрасте, за единственным исключением – снимок к статье,

озаглавленной «Откуда взялся колдун Люциен Страфа?» в газете «Франс-суар», которой удалось раздобыть портрет молодого иллюзиониста. На этом снимке ему еще нет и тридцати, у него больше черных как смоль волос на висках, выглядит он не таким суровым, но уже чувствуется бьющий через край магнетизм.

У него взгляд безумца, который прекрасно сознает, что делает.

Юго решил начать расследование с этой статьи во «Франс-суар». Правда, информации в ней содержалось немного. Страфа родился во Франции – где именно, определить не удалось, – единственный ребенок в бедной семье итальянских эмигрантов. Его имя оставалось неизвестным до апреля 1970 года, когда его первое выступление в зале «Эльдорадо», расположенном в Десятом округе Парижа, произвело мгновенную сенсацию. До этого момента трудно проследить, как развивалась его карьера, можно лишь сказать, что выступал он в небольших залах; свидетели утверждали, что видели его на сцене до того, как он стал знаменит, но мало что запомнили – фокусник как фокусник.

Юго начал просматривать все ссылки в «Гугле», выбирая те, что особенно привлекали внимание.

Вокруг него периодически поскрипывала деревянная обшивка Аквариума, будто здание время от времени потягивалось после сна.

Постепенно портрет приобретал очертания. Подозревали,

что Страфа уничтожил все следы своего прошлого, особенно публичных выступлений до апреля 1970 года. Его последующая жизнь состояла сплошь из триумфальных гастролей, броских заголовков и вызывающего беспокойство фанатизма публики. Многие упрекали его за слишком сильное пристрастие к ужасам, за злоупотребление загробными темами, за «излишне зрелищные для развлекательных целей» трюки, объясняя это тем, что следовало бы запретить вход на его представления «чувствительным женщинам и прежде всего не разрешать детям даже знать его имя», все это в типичном патриархальном стиле того времени. Но за этими заголовками Юго угадывал сомнение, а иногда и тревогу. Журналисты, которым удалось побывать на его шоу, говорили о каком-то вневременном моменте, о «нарастающем и давящем состоянии галлюцинации», когда сон сменяется кошмаром. Один из них считал, что его, как и остальных зрителей, накачали наркотиками, чтобы «память зафиксировала невозможные для исполнения магические трюки», и что выступления Люциена Страфа следует запретить на том основании, что он сознательно вводит людей в заблуждение помимо их воли.

В малопопулярном блоге одного из поклонников мага, который собирал статьи и свидетельства очевидцев, Юго обнаружил почти романтический рассказ о первых минутах появления Страфа на сцене, которые задавали тон всему выступлению. Все казалось настолько странным, настолько неправ-

доподобным, что создавалось впечатление, будто автор это придумал. Якобы от перевозбуждения у зрителей носом шла кровь. А заканчивалась история так: «А ведь это было только начало представления». Вот это программа!

Из тех немногих интервью, которые Страфа давал, невозможно было ничего узнать. Ответы его были отрывочными, и он намеренно уводил журналиста к темам, которые его забавляли. Метафизика. Существование «параллельной зоны», где собираются духи умерших, откуда он иногда черпает энергию для своих фокусов. Страфа моделировал собственный образ: вызывающий, акцентированный на деталях, ни на кого не похожий, бездонный. Даже в его речи было что-то старомодное и элегантно. Но он никогда не открывался собеседнику. Ничего личного о себе не рассказывал.

В середине семидесятых, когда Страфа уже был мировой знаменитостью и гастролировал по всему миру, стали циркулировать «слухи». Случилось это после того, как по инициативе газеты «Ле Паризьен либерэ» и радиостанции «Европа n° 1» из экспертов по нескольким дисциплинам были составлены научные комиссии для изучения рассказов очевидцев о самых невероятных его трюках. Они пришли к выводу, что в свете современных знаний его фокусы необъяснимы. Один из политиков (вероятно, принадлежащий к христианским правым) утверждал, что единственное вероятное объяснение заключается в том, что в обмен на свой успех Страфа продал душу дьяволу. В другое время над этим вы-

сказыванием посмеялись бы, но большинство повторивших его видели Страфа на сцене, и у них не возникало абсолютно никакого желания смеяться. Только понять. *Успокоиться.*

Началось с Парижа: разнеслась молва, будто руки Страфа обогреты кровью. Разумеется, кровью невинных. «И он подписал договор, пока у них еще билось сердце» – можно было услышать в некоторых салонах сторонников традиций. Пойти на его выступление значило потворствовать этой гнусности. Купить билет на него значило оплатить себе билет в ад. Происки против иллюзиониста, организованные в основном христианской прессой и политиками этого толка, разрастались в течение 1975 года, а в следующем году, когда он вернулся из Америки, в них уже была вовлечена вся Франция. К этому времени Люциен Страфа перестал давать интервью и отказывался участвовать в полемике. Вместо этого перед Рождеством он объявил, что выступит с новым шоу под провокационным названием «Собиратель душ».

Залы были переполнены, билеты расхватывались в первый же день, как и на все его предыдущие шоу, и Люциен Страфа вновь отправился в мировое турне. Все это продолжалось до февраля 1978 года, когда он в последний раз выступил в «Эльдорадо», где все и начиналось. По словам счастливых, которым довелось присутствовать на этом представлении, закончив свой последний номер, он обратился к зрителям – поблагодарил их за то, что они сделали его жизнь такой счастливой, сказал, что сыт по горло их волне-

ниями и страхами и что теперь нужно положить конец всякой магии. При этом он долго в упор смотрел в зал, так что некоторым стало плохо, затем со зловещей усмешкой щелкнул пальцами и... исчез. Снова зажегся свет, сцена была пуста. С Люциеном Страфа было покончено. Больше его никогда не видели.

Никогда.

Один ретивый журналист высчитал, что это было шестьсот шестьдесят шестое выступление фокусника. Он записал его несколько раз, во всех вариантах: 6 6 6. Число Антихриста.

Самое малое, что можно сказать: Страфа имел особый глаз на детали и талант к лицедейству. Легенда уже была создана, миф родился.

Юго поднял голову от компьютера; шея затекла. Он просидел так несколько часов, полностью погрузившись в работу. Как он мог вообще пропустить подобную историю?

Но в то же время, несмотря на то что этот человек был очень популярен в период своей славы, его внезапный уход со сцены, хотя и вызвал недоумение, полностью вывел его из поля зрения в те времена, когда еще не существовало интернета, и, чтобы получить о нем хоть какие-то сохранившиеся сведения, нужно было основательно порыться в архивах. Поколение родителей Юго, должно быть, знало о нем, как сам он знал имя Дэвида Копперфилда¹⁶. Но этого объясне-

¹⁶ Дэвид Копперфилд (Дэвид Сет Коткин, р. 1956) – известный американский

ния, по мнению Юго, было недостаточно.

Тут явно имела место намеренная попытка стереть имя Страфа из памяти людей.

Не оставалось никаких сомнений. Перечеркнуть такой успех невозможно, но при наличии твердой политической воли и помощи нескольких консервативных магнатов от прессы, которым не нравилось то, что представлял собой Страфа, можно добиться, чтобы его имя утратило весь свой блеск. Всего-навсего вообще не упоминая его. Это не было ни ложью, ни тем более масштабным заговором, а простым желанием больше о нем не говорить. Тема закрыта. Спасибо, переходим к следующей.

Страфа не столько потряс, сколько озадачил зрителей, поставив под сомнение их веру, и многим из них захотелось забыть его и перестать задавать себе странные вопросы о нем самом, о том, что он проделывал на их глазах, о том, что это могло означать в контексте физических законов мира, которые, как прежде казалось, им хорошо известны.

Возможно, это несколько обобщенно, поправил себя Юго. Тем не менее он чувствовал, что не так уж далек от истины.

Люциен Страфа не упоминался ни в учебниках истории, ни в рассказах о сверхъестественных деяниях, его имя практически не встречалось в мемуарах. Попытки найти его предпринимались еще в конце семидесятых годов, и даже тот человек, которого Юго принял на фотографиях за его

агента, – на самом деле это оказался импресарио Страфа – утверждал, что больше ничего о нем не знает и недоумевает не меньше, чем журналисты и публика. Сведения о Валь-Карьосе еще держались в тайне, и Юго предполагал, что, когда спустя десятилетия кто-то все же проговорится, Страфа уже никого не будет интересовать. По-прежнему ли держится в секрете тот факт, что он поселился здесь? Возможно. Но это не слишком важный секрет. Им можно поделиться с кем-то из посторонних, как поделилась с ним Лили.

Правда, ты здесь целых три дня... И уже вошел в круг посвященных!

Была ли она излишне болтливой? Пожалуй, нет. Юго собирался провести здесь почти полгода, и Лили знала, что этот вопрос рано или поздно возникнет и ей придется объяснять, что это за уединенное поместье, хозяина которого совсем не видно. Она просто немного поспешила оказать ему полное доверие. *И вовсе не из-за моей сексуальной привлекательности, я прекрасно отдаю себе в этом отчет.*

Так что нет, это уже не секрет. Просто информация, на которую всем на свете плевать.

Юго представил себе заголовок: «Старый владелец удаленного горнолыжного курорта на грани закрытия был великим фокусником... сорок лет назад!»

Сгодится для журнала «Ле Нуво детектив». В крайнем случае для «Иси-Пари».

Но это не совсем точно. Нет, не просто великий фокусник.

Судя по тому, что он прочитал, сомнений не оставалось: Люциен Страфа был *самым* великим фокусником. Всех времен и народов. И намного превосходил остальных.

Юго поднялся с кушетки, со стоном потянулся и подошел к одному из обрамлявших Аквариум панорамных окон.

За корпусом Б/У показалась прижавшаяся к горной гряде и окруженная хвойными деревьями по всему крутому склону усадьба. Юго понял, что она видна со всех точек курорта. Сделано ли это намеренно? Чтобы хозяин мог лучше созерцать свои владения... *Или чтобы напомнить нам, что он здесь и наблюдает за нами.*

Юго охватило непреодолимое желание забраться наверх. Чего ему бояться? В худшем случае, что ему не откроют? *Или его сразу же уволят.*

Тем более что никто не запрещал ему туда подниматься.

Небо было ободряюще синим, и лишь несколько хищных птиц парили над головой, следя за происходящим.

Юго колебался. Да, ему очень хотелось, но робкий внутренний голос шептал, что это не очень хорошая идея. Он чувствовал себя, как в том выпуске Тинтина¹⁷, где ангел и дьявол боролись за право влияния на фокстерьера Снежка.

Ставни закрыты. Он спит.

Просто пройти мимо. Просто взглянуть.

¹⁷ *Снежок* (Милу, Milou) – добродушный фокстерьер из популярных европейских комиксов бельгийского художника Эрже (1907–1983) «Приключения Тинтина» («Les Aventures de Tintin»).

Логово Люциена Страфа, величайшего фокусника всех времен и народов. Иллюзиониста. *Так его обычно называли журналисты.*

Или еще «приспешником сатаны».

Юго уже направлялся к лестнице.

13

Корпус В явно имел на него зуб.

Юго не мог придумать другого объяснения, иначе каким образом он дважды подряд сумел там заблудиться? В – вурдалак. Вредитель. Вшивость.

Тупик.

Черт подери!

Ему пришлось трижды возвращаться, прежде чем он сумел наконец подняться на третий этаж и оставить компьютер у себя в комнате.

Оказавшись на улице, он засомневался, стоит ли идти напрямик, и в последний момент отказался от этой затеи. Это означало бы долгий путь через луг на восток, под открытым небом, в середине дня, и меньше всего ему хотелось навлечь на себя гнев половины персонала за то, что он посмел побеспокоить владельца. Тема была щекотливой, как уже объяснила ему Лили, и Юго не хотел никаких неприятностей – только удовлетворить свое законное, как ему казалось, лю-

бопытство.

Я никому не мешаю, просто посмотрю одним глазком, и если он там, если не прячется, то, может быть, поздороваюсь, чтобы прощупать почву. Это было бы гуманно и вполне вежливо, сказал он себе.

Нет, единственная возможность – войти в корпус Б/У, спуститься по хребту, найти вход в подвал и выбраться наружу через парковку. Оттуда он мог бы срезать путь через лес, вверх по склону к усадьбе и остаться никем не замеченным.

Даже ему, если он наблюдает.

Юго мог придумать малоубедительные предлоги, вроде визита вежливости, в которые сам не верил...

Главная дверь Б/У оказалась не заперта на ключ. Это было одним из правил, о которых Лили рассказала в первый день: здесь ничего не запирали без веской причины – кроме них, тут никто не живет, а значит, воров быть не может.

Вестибюль был серым, как логово гигантского паука. Повсюду висели грязные брезентовые чехлы, похожие на паутину, готовую завлечь неосторожного посетителя. Ни допотопных ковровых покрытий, ни мебели семидесятых годов, ни стойки администратора. Все было демонтировано. Кое-что подготовили, но ничего не сделали и уж тем более ничего не завершили. Из щелей в стенах торчали полихлорвиниловые желоба и трубы, похожие на обескровленные перерезанные вены. Лампы в потолке были демонтированы, скрученные провода болтались, как зрительные нервы, оставшиеся

от вырванных глазных яблок. Освещение вообще отсутствовало, не считая световых люков наверху на всех трех этажах бесконечных галерей, опоясывающих этого монстра. Не самый удобный вариант, но в предвечерье видно было достаточно четко, и Юго мог сориентироваться. *Подвал – вот где придется туго!* Телефон не поможет, так как нигде не ловит сигнала, и Юго по привычке оставил его дома. Не важно, он выкрутится.

Юго перешагнул через несколько рулонов, вероятнее всего скатанных ковровых покрытий, которые едва поместились бы в прицеп тридцатитрехтонного грузовика, и вошел в «центральный двор». Несомненно, как и показалось ему при первом знакомстве с Большим Б, это место напоминало тюрьму с рядами внутренних галерей и дверей, выходящих во внутренний дворик; не хватало только защитных решеток от самоубийц и глазков для наблюдения. По крайней мере, здесь он не может заблудиться: все расположено по прямой, другого пути нет.

Остальные серые брезентовые чехлы издавали гулкий звук, лениво колыхались на сквозняке, которого Юго даже не ощущал. Через определенные промежутки попадалась открытая дверь, ведущая в одну из квартир, но вход в нее защищала не слишком эффективная полупрозрачная штора. Проходя мимо одной из них, Юго заглянул внутрь и невольно представил, как бы он отреагировал, если бы вдруг заметил там силуэт или просто какую-то тень на фоне света. За-

висит от того, будет ли она перемещаться, как зомби, или это кто-то из наших...

Почему у него возникли такие мысли? Так с ним всегда – выходить за пределы реальности, заполнять пробелы, предвидеть худшее, даже желательно что-то ужасное... *Если бы моему мозгу были не свойственны такие завихрения, я бы не мог писать. Именно из таких ни на что не похожих отклонений и рождаются романы. Иначе это просто мир, каким мы его знаем, тусклая, ничем не примечательная, зачастую самоубийственная банальность.*

По крайней мере, он позитивный...

Какой-то чехол хлопнул громче, чем остальные, и Юго вздрогнул. *Черт, это же просто фигня, предназначенная для работы, расслабься!* Легко сказать...

С галерей раздался целый хор таких же звуков.

Юго уже начал сомневаться в успехе своего предприятия, когда добрался до конца корпуса Б/У и оказался перед высокими окнами, из которых снова открывался вид на долину. Лифты, которые он проигнорировал, располагались рядом с лестницами, обслуживающими различные уровни, и он стал спускаться пешком. Не успел он пройти и несколько ступенек, как дневной свет померк. С каждым шагом Юго все больше погружался во мрак. Последний отрезок пути пришлось пройти в полной темноте. Юго разозлился на себя за то, что не догадался взять телефон хотя бы для освещения. Он замедлил шаг и коснулся стены, чтобы сориентировать-

ся. *Ты уже большой мальчик, даже смешно, ну чего ты боишься?*

Он не мог объяснить своих опасений. Но страх был каким-то утробным. Наверное, так чувствует себя насекомое, приближаясь к дыре, где гнездятся большие мохнатые пауки? Не зная, что эти неумолимые хищники бесшумно поджидают его? Ну вот, еще несколько шагов, ну же, чуть ближе, еще чуть-чуть, ровно настолько, чтобы я не смог упустить тебя, чтобы мои хелицеры¹⁸ впились в твой хитин, пронзили тебя, чтобы вливать в тебя яд, пока он не начнет растворять твои внутренности, а я с наслаждением стану сосать твой сок, пока ты будешь биться в конвульсиях, еще живой, полностью осознавая, что это я, чудовище, *пожираю тебя*.

Опять болезненное воображение, которое разыгрывается в самые неподходящие моменты.

Юго почти не двигался. Он еще не вошел в полностью неосвещенную зону, она находилась дальше, может быть, пятью или шестью ступенями ниже.

Он спустился на одну ступеньку. Ему показалось, что слюна у него загустела, ее стало труднее глотать. *Ты что, совсем сбрендил? В тридцать четыре года? Боишься темноты?*

Но это было что-то другое.

Что-то не нравилось ему в этом непонятном оцепенении.

Что-то здесь было не так. *Да, что-то не так со мной!*

¹⁸ *Хелицеры* – ротовые придатки паукообразных, имеющие вид клешней; у пауков на вершине хелицер открываются протоки ядовитых желез.

Он заставил себя спуститься ниже. Еще одна ступенька. Стало чуть прохладнее. И более влажно.

Теперь муза романиста осмелела. Она нашептывала ему, что паук уже здесь, совсем рядом, раздвигает свои тонкие лапки, раскрывает хелицеры, вооруженные шипами с разжигающим ядом, и подстерегает, пока он, Юго, не приблизится на один или два шага, а тогда выскочит из своего логова, чтобы обречь его на медленную и ужасную смерть. *Сожрать.*

Юго вздохнул; он устал от собственных бредней. Но продолжал стоять на месте. *Я полный придурок.*

Его охватил страх. Страх, которого он стыдился, детский страх. Если он сдастся, то почувствует себя униженным. *Неужели все ради этого?* Это противоречило всякой логике.

«Подойди ближе. Ну же, еще одно, последнее крохотное усилие. Просто сделай это. Ради себя. Чтобы доказать себе, что ты способен это сделать... Чтобы В ОЧЕРЕДНОЙ РАЗ все не закончилось провалом... Вперед!»

Юго поднял ногу, готовый поставить ее на ступеньку ниже. *Да, вот так... давай... смелее... Просто сделай это. Всего один шаг, потом все будет хорошо...* Он колебался. Живущие в нем детские страхи со страшной силой обуревали его. *И все-таки я не собираюсь сдаваться только потому, что я...*

– Мне страшно, – одними губами произнес он.

Говорить вслух в этом пустом месте – словно проткнуть мыльный пузырь и явить себя темноте, а воображение ри-

жрать тебя.

Юго перемахнул через две ступеньки, потом еще через две и, прежде чем разреветься от детских страхов, цепляясь за перила, вернулся на первый этаж. Он оглянулся на лестницу и ее темные глубины.

Ни одна тень не двигалась. *Вот ведь гнусное воображение!*

Разочарование. Именно оно клокотало у подножия лестницы. И злость. *И дьявольский аппетит!*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.